18+

Ирина Бородулина

Сильные МИРА

Кира Бородулина

Сильные мира. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Бородулина К.

Сильные мира. Сборник рассказов / К. Бородулина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590053-1

Сборник объединяет рассказы, написанные с 2007 по 2020 гг. Многие были опубликованы в православном интернет-журнале «Преображение», что-то выходило в «Наследнике» и «Лизе». Также в книгу вошли сказки, созданные для проекта «Все будет хорошо!» в помощь больным детям.Это истории о сильных людях и сильных переживаниях. О поиске себя и смысла жизни, любви и предназначения, места в мире и мира в душе. Героев объединяет стремление выйти за рамки суеты и обрести подлинную свободу. У каждого она своя.

ISBN 978-5-00-590053-1

© Бородулина К.
© Издательские решения

Содержание

Весна 6
О малых сих 6
Миротворцы 12
Подарок 17
Длительная выдержка 23
Счастье? 27
Поэзия весны 29
Лето 35
За други своя 35
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Сильные мира
Сборник рассказов

Кира Бородулина

Корректор Маргарита Талашова
Дизайнер обложки Екатерина Нестеровская-Панферова

© Кира Бородулина, 2022
© Екатерина Нестеровская-Панферова, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0059-0053-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весна

О малых сих

Не прикасайтеся помазанным Моим и во пророцех Моих не лукавнуйте.
Пс.104:15

Девочке нравилось жить с Варей – она заботливая, веселая и вкусно готовит. У нее большая квартира и мало мебели. Пианино – черное, старинное. Нижняя дека открывается, и туда можно прятать ценности, как в пиратский сундук. На пианино лежат удивительные книги – огромные, толстые, с золоченым орнаментом на переплете, а внутри исписанные непонятными закорючками. Страницы белые, шрифт крупный – то черный, то красный. Есть книги и попроще – их названия девочка могла прочесть без Вариной помощи: православный богослужебный сборник и Библия. Были и ноты – распечатки в скоросшивателе. Рядом с пианино бочком стоит кресло с большими подлокотниками, накрытое разноцветным вязаным пледом. А между креслом и пианино красный торшер – как напольная лампа. Его можно вертеть во все стороны и наклонять, как угодно.

По вечерам Варя пела стихиры из толстой тяжелой книги. Сначала размечала их карандашом, затем читала, а потом пела на глас. Девочка не сразу поняла, что такое глас, но Варя объяснила: в церковных песнопениях восемь определенных мотивов, на которые накладывается текст. Поскольку Варя их часто пела, девочка быстро запомнила некоторые гласы и даже стала отличать тропарь от стихиры. Варя не любила, когда кто-то «подслушивал», как она готовится к службам, но девочка бесшумно сидела в темном углу комнаты. Ей нравилось смотреть на Варю – сосредоточенную, с карандашом в руке, в домашних штанах и кофте с капюшоном. Нравился ее мелодичный низкий голос. Даже чтение псалтири больше не казалось монотонным, хотя таким оно и должно быть, чтобы каждый вложил в молитву свои чувства, а не проникался чувствами псаломщика. Читала Варя звучно, ровно и спокойно. Девочка немногое понимала, но невольно запоминала странные стихи.

Утром Варя будила ее в школу, кормила завтраком, а сама быстро собиралась на службу. Быстро -потому, что не красилась и не городила причесок, не ела и одевалась очень просто. У нее много платков и длинных юбок. Девочке нравились эти сонные, немного торопливые утра. Хотелось растянуть их, посидеть с Варей подольше, глядя, как за окном медленно рассеивается тьма и гаснут фонари. Но Варя выходила из дома в семь тридцать и до храма шла двадцать минут. Она никогда не суетилась, никуда не спешила. Время рассчитывала до минуты и не опаздывала. Девочка шла с ней на службу и сидела на клиросе, пока читали часы. Двадцать минут девятого Варя выпроваживала ее в школу – благо, дойти два метра. Поэтому девочка до сих пор не слышала, как Варя поет вне дома и не одна. Хор только по воскресеньям, потому что храм поселковый, маленький. Варя же пела по будням – либо одна, либо вдвоем с контральто.

Девочка часто меняла школы, у нее не было друзей и подруг. Не было и родителей. Говорили, что мама ее бросила, а папа, вероятно, еще раньше бросил маму. Девочка плохо помнит ее и не жаждет вспоминать. Варя как-то сказала, что чтить отца и мать мы обязаны по заповеди Господней, но чтить и любить – не одно и то же. Как чтить, девочка пока не понимала. Монахини в оптинском детдоме, где она последнее время жила, говорили, что и обид не должно быть, и злости. Попытайся простить и отпустить. Пусть даже никто не просил прощения.

Едва увидев Варю, она поняла, что хотела бы остаться с ней. В матери она не годилась – сама еще девчонка, но оказалось, что ей почти двадцать семь. Для десятилетней девочки это звучит, как солидный возраст. И Варя забрала ее на время – сразу сказала, что удочерить не может по трем причинам. Девочка поняла, ведь две из них достаточно веские. А на счет третьей закрались сомнения. Если бы третью аннулировать, все могло сложиться. И девочка стала молиться, чтобы все сложилось. Варе она о своих воздыханиях не говорила – нет так нет, все ясно. Зато видела, что девушка привязалась к ней, и что Варе она не в тягость, хоть и меняет сложившийся уклад уединенной холостяцкой жизни. Варя была бы такой чудесной мамой, но стать ею вряд ли возможно, просиживая все вечера дома, изредка встречаясь со старыми друзьями и работая в сельском храме и на почте.

– Тебе не скучно? Сходила бы куда-нибудь, я могу посидеть одна – говорила девочка.

– А куда мне идти? И с кем, если не с тобой?

Когда наступила весна, и вечера достаточно потеплели и посветлели, Варя с девочкой стали выходить на прогулки. Обе не болтливы, и им было комфортно вместе молчать.

Когда появился Сергей, девочка не удивилась. Господь не мог не услышать ее пламенных молитв. Казалось, дело пойдет. Как и когда точно он появился, она не знала. То в храм зайдет, то после службы проводит. А на выходных и в гости набился. Варя, казалось, этому вовсе не рада. Не сказать, что Сергей так уж девочке нравился, но всё лучше, чем ничего. Точнее никого. И главное, ему нравится Варя. Да и как она может не нравиться! Статная, утонченная, сама женственность и чистота. Но девочка опасалась, что не это ценит в ней Сергей. Грызло какое-то внутреннее противоречие, какая-то настороженность. У него грустные, красивые глаза, но временами очень тяжелый взгляд – почти злой, холодный. И он никогда не улыбался, хотя с ним было весело, и он остроумно шутил.

Роль девочки в жизни Вари была Сергею неясна и однажды, когда Варя говорила с кем-то по телефону, он снизошел до разговора:

– Ты бы хотела, чтоб Варя тебя удочерила?

Девочка молча кивнула. Спросил, хочет ли этого Варя.

– Она не может.

– Почему?

– Потому что не замужем и зарплата маленькая.

Сергей замолчал и больше не возвращался к этому вопросу. Когда девочка намекнула Варе на его возможную кандидатуру в мужья, выяснились любопытные подробности. Оказывается, Варя с Сергеем давно знакомы – он просто в очередной раз возник на горизонте.

– Подумай, лапуль, как я могу связать жизнь с человеком, который был дважды женат и неизвестно, свободен ли сейчас. Который врёт напропалую, матерится и пьет. У него есть сын, хотя он думает, я не знаю о его существовании. Видимо, сам давно ничего не знает о его судьбе.

Последний аргумент выбил девочку из колеи. Нет, такой точно не пара. Не того она просила, убери его, Господи, от греха подальше. Лучше им так и остаться вдвоём. А пройдет каких-то восемь лет, и не надо никого удочерять. Станут они с Варей просто подругами. Говорят, время летит быстро. Для взрослых.

Но Сергей не исчезал. Варя иногда ходила с ним в кино или в кафе после работы. Девочка сидела дома одна, и ей было очень грустно. У Вари два телевизора, которые она никогда не включала, ноутбук, не подключенный к интернету, много дисков с мультиками и хороших книг. Девочка могла занять себя чем угодно, но без Вари квартира казалась такой огромной и пугающе одинокой, что ничего не хотелось. Девочка могла часами просиживать на полу в гостиной и листать Варины книги. Или, открыв шкаф в прихожей, перебирать ее многочисленные шарфы. Если бы Варя возвращалась счастливая – все бы пережилось. Но девушку съе-

дала какая-то печаль, о которой она не могла поведать маленькой подруге, хотя та спрашивала и обещала постараться понять.

– Вроде и не безбожник, но как с другой планеты, – туманно объяснила Варя, – когда человек не воспринимает главное в тебе, о каких отношениях говорить?

Девочке не хотелось молиться, чтоб Сергей пришел к Богу, но Варя просила. Спустя несколько недель Сергей изъявил желание взять девочку с собой – посмотреть вместе хороший добрый фильм или поесть мороженого в парке, побродить по торговому центру или погулять по городу. Девочке нравилось тянуть игрушки в автоматах под руководством Сергея – одной почти никогда не удавалось, а он видел, как и какую игрушку надо ухватить. Он стал будто легче и добрее. Раньше не представлял, о чем говорить с девочкой, кроме как о Варе. Она и сейчас была основным объектом его интереса.

– Знаешь, почему Варвара такая грустная? – спросил он как-то.

– Ей больно за тебя, – ответила девочка.

– Почему же?

– Потому что ты живешь как безбожник, и тебе от этого тоже больно.

Девочка не знала, передал ли он Варе этот диалог, но от девушки никаких упреков не поступало. Она вообще никогда ни в чем девочку не упрекала – просто объясняла, почему это хорошо, а то плохо и даже словом Божьим умела все подтвердить, хотя девочка и не спорила.

Однажды Варя объявила, что Сергей решил причаститься. Девочка сделала вид, что обрадовалась, хотя ничего не почувствовала. Точнее, настороженность. Варя и сама будто не верила. Она не привыкла радоваться раньше времени или делиться планами. Варя из тех людей, которые скорее построят дом, чем покажут кому-то его чертеж.

В одну из апрельских суббот чудо свершилось. Девочка осталась дома, чтобы выспаться, а Варя пошла в храм не петь, а причаститься вместе с Сергеем. Чтоб поддержать – вдвоем не так страшно. Они вернулись вместе около одиннадцати – с продуктами. Стали готовить завтрак. Сергей был погружен в себя и молчалив, но не мрачен, как обычно. Что-то в нем определенно изменилось. Девочка по своему обыкновению сторонилась его и не заговаривала первой. А он и за завтраком почти ни слова не сказал. Варя улыбалась и прямо-таки сияла. Девочка поняла, что ей хочется петь – говорит она всегда мало. И все же, атмосфера не была натянутой. После завтрака Сергей уехал, обняв на прощание Варю и погладив девочку по голове. Последнее, что она запомнила – его улыбка. До того девочка видела ее только на фотографиях, и то давнишних – Варя показывала.

– Мы, когда вышли из храма, сели на лавку, а он как расплачется, – проговорила Варя, – думал, не замечу. Обнял меня и не отпускал, а потом прорвало. Рыдал как ребенок.

Сравнение девочку не обидело. Дети и впрямь чаще плачут. Пока не разучатся, пока не привыкнут к боли.

– И что теперь будет?

– Бог знает… для него определенно что-то новое.

В понедельник Варя пришла с работы мрачнее тучи. Сергей попал в аварию и лежит в реанимации в тяжелом состоянии. Варя быстро покидала что-то в сумку и не пообедав, уехала к нему. Позвонила через час, сказала, что останется в больнице.

– Тебе не страшно одной?

– Нет, – ответила девочка, – он-то как?

– Плохо. Родители приедут только завтра. Он в коме. Вероятно, не сможет ходить. Там есть, что поесть?

– Да, – девочка не знала, но Варя всегда готовит впрок.

– Если нет, деньги помнишь где? Сходи в магазин, хотя бы пиццу купи и в микроволновке сделай, три минуты, хорошо?

– Не волнуйся, я справлюсь.

Девочка весь вечер слонялась по квартире. Можно было сходить за пиццей и за колой – Варя бы и не узнала. Но ничего не хотелось. Жалко Сергея. Как это он не сможет ходить – такой деятельный, спортивный? И Варя так спокойно обо всем говорит… Девочка знала, что не от безразличия. Просто Варя умела принимать волю Божию. И девочка стала молиться, чтоб Сергей поправился.

Она могла не ходить в школу – Варя не проконтролирует. Неужто поедет на службу после ночи в реанимации? Скорее всего. А потом обратно, и оттуда – на работу. Но девочка в школу пошла. Сама собралась, пожарила на завтрак яичницу. Она никогда не ходила одна – Варя водила ее даже когда не надо было на службу, но девочка давно запомнила дорогу. Одной не страшно, но непривычно. После уроков зашла в церковь, спросила про Варю. Была. Заказала сорокоуст о здравии Сергея и договорилась с батюшкой его соборовать, как только тот выйдет из комы.

Варя вернулась измученная, бледная, молчаливая.

– Его родители приехали. Сказали, что будут с ним постоянно, мне там делать нечего. Мама на меня так смотрела, будто я рвачиха и карьеристка. Или аферистка. Он внешне похож на маму…

Девочка обняла чуть не плачущую Варю.

– Иди поспи. Небось, вымоталась.

Но Варя пошла мыться. Девочка разогрела ей супа, который Варя ела битый час. Потом легла на диван в зале и свернулась калачиком под зеленым флисовым пледом.

– Не понимаю, лапуль, за что она меня так ненавидит. Она же меня совсем не знает…

– Матери либо святые, либо чудовища.

В четверг Сергей пришел в себя. Не то, что ходить – он даже говорить не мог. Варя рассказывала, что его возят в кресле-каталке, и он может выразить согласие или несогласие пожатием руки. Варя, конечно, ездила туда. И всякий раз возвращалась как оплеванная.

– Зачем мне его дом? У меня своя квартира, убирать замучаешься. А машина? прав никто не даст, да и от машины один лом остался. Деньги какие-то… Я ими пользоваться не умею.

Варя говорила сама с собой, поэтому девочка не отвечала. Она поняла, что Варя любит Сергея – по-настоящему, бескорыстно. Хотя кроме как из корысти его и любить-то не за что. Девочка не могла понять, что Варя в нем видит.

– У каждого из нас своя боль, – говорила Варина подруга, – и таких как он – большинство. Так живут почти все. Это ты только одного увидела и пожалела.

И правильно она говорит – горячо подумала тогда девочка. А он Варю не ценит, хотя она одна на миллион. Он ее недостоин. Не то, что обнимать и лапать – рядом стоять!

Варя научилась понимать Сергея без слов. Стала разговорчивой – развлекала его рассказами о своей небогатой на события жизни. Если вдуматься – каждый день уникален и в нем что-то происходит. Тем более, когда рядом маленький человечек, и для него жизнь еще не стала монотонной затертостью. Ведь находила она, о чем сказать маме, когда та звонила и спрашивала, как прошел день.

Варя многое видела глазами девочки и больше не боялась, что Сергею это наскучит. Он пожимал ее руку в знак того, что ему нравится ее слушать. И она говорила. И пела ему тропари. Пока не появлялась мама. Варя молча удалялась. Если же она приходила, когда мать уже была – ждала в коридоре. Не выдавала себя – иначе специально не уйдет. Бывало, и не уходила, и Варя два часа просиживала зря, выслушивала ругань санитарок, а если на крики выбегала мать – еще и от нее доставалось.

– А если он не поправится? – спрашивала девочка.

– Я его не брошу. Хоть всю жизнь буду за ним ухаживать. Только мать не даст. Хоть бы начал говорить и донес до нее, что ему дороже…

– А если пошлет тебя?

– Пойду. Не впервой. Дальше, чем обычно не придется.

Варя ужасно волновалась на счет соборования – мама, конечно, была против, но Сергей все-таки пожал Варину руку в знак согласия. Батюшка приехал, совершил обряд. Варя взяла отгул на работе, вернулась домой в середине дня вся разбитая. Проспала до вечера. Девочке постоянно приходилось напоминать ей о необходимости элементарно поесть. Варя сильно похудела, осунулась. Часто плакала, думая, что девочка не замечает.

– Может, тебе лучше вернуться в монастырь? – она никогда не говорила «в детдом». – Видишь, какая я заботливая стала…

– Мы справимся, – временами девочке казалось, что Варе было бы проще без нее – по крайней мере, не терзаться чувством вины перед ребенком. Но уезжать не хотелось. Да и все-таки, Варе будет не так одиноко и грустно.

– Скажи честно, ты от меня устала?

– Нет, что ты! Но…

– Я знаю все эти «но». Мы справимся.

После соборования Сергею стало получше – он начал произносить отдельные звуки, но в слова они пока не связывались. Варя повеселела, у нее появилась надежда. Девочка радовалась больше за нее. Наступил май – благоухающий, пьянящий. Вечерами девочка и Варя возобновили прогулки. Но передышка длилась недолго. Мама Сергея решила потолковать с девушкой «по душам».

– Говорит, чтоб я губу не раскатывала ни на что, – рассказывала Варя, еле сдерживая слезы, – она-де своего сына знает и всю эту историю тоже. Коль уж тебе так хотелось – он и пошел на исповедь и причастился. Делов-то… Ничего он менять не планировал, просто азарт охотника. Ты ж такая неприступная! А так, он жену до сих пор любит.

– Да врет она все! – воскликнула девочка.

– А вдруг нет? Как у него дознаешься? Говорит, неужто ты так себя не уважаешь – другая давно б ушла, хлопнув дверью. Я и ушла – в туалет. Проревелась там в голос – благо, не было никого. И вернулась в палату. Сережа в кресле своем. Мать вся в деятельности суетливой. Я села перед ним на корточки, пожала его руку… хоть бы вышла мегера, спросить у него, поняла б я все…

Но мать не вышла. И Варя ничего при ней вымолвить не смогла. Сказала только, что не придет пару дней. В глазах Сергея отразились удивление и испуг.

– А когда я ушла, небось наплела ему – видишь, мол, сбежала твоя мышка церковная, недосуг ей с тобой цацкаться. Как же мне было больно, малыш!

– Как бы проверить, врет она или нет, – задумалась девочка, – неспроста ведь его паралич разбил. Не думала?

– Весь день только об этом и думаю.

После того «душевного» разговора Варя пришла в сквер, купила минералки и опять расплакалась. Не выдержало доброе сердце одного парнишки. Подошел утешать. А Варя ему все и рассказала. Весь нерв и вся боль последних недель дали себя знать. Кирилл проводил ее на остановку, испросил разрешения позвонить – волноваться будет, как доехала и все такое.

А вечером Сергей прислал смс: «Что моя мать наговорила тебе?». Не выразишь в ответном сообщении всего, но Варя так радовалась прогрессу – хоть одним пальцем смог натыкать смску.

«Неважно. Скажи, хочешь ли ты, чтобы я была рядом?»

«Да. Но не хочу тебя мучить и быть обузой».

«Ты ею не будешь».

Варя раз и навсегда решила, что первой не скажет «люблю». Да и тяжело сейчас написать это. Девочка не знала, говорил ли ей такое Сергей. Обнимашки – это еще не любовь. Да

если бы и сказал – Варя знает, что любовь его понимании значит совсем не то, что в ее. За одно причастие до такого не дорастешь, и то неясно, было ли оно искренним, или попалил Господь как траву прошлогоднюю.

А Кирилл стал звонить – сначала через день. Потом каждый день. Приглашал проветриться, погулять всем вместе. Варя отвечала отказом, а девочке хотелось с ним познакомиться. Может, это он и есть? Тот самый, которого просила, Господи?

Миротворцы

Лида давно начала что-то подозревать, хотя точно не помнила, когда появилось это липкое чувство. Классических симптомов не было – муж не задерживался на работе, не обзавелся друзьями, с которыми проводил бы все свободное время. Но его холодность и отстраненность трудно не заметить, а еще труднее списать на внешние обстоятельства и обилие работы.

Анализируя ситуацию со всех сторон, Лида уже не могла с точностью утверждать, вспомнила она или накрутила себе лишнего. Несколько недель назад. В гостях у друзей. В комнату вошла женщина – бесспорно красивая. И Савелий так посмотрел на нее… У Лиды не было привычки ревновать мужа и причин не находилось. Скорее, он отличался этим, но боролся с собой, чтобы не докучать супруге.

Ничего особенного после того вечера не произошло. Лида была уверена, что Савелий не встречался с Еленой, но он определенно думал о ней. Не то, чтобы Лида извелась догадками, сомнениями и самокритикой, но, разумеется, подобные мысли покоя не прибавляют. Оного и так не хватает при наличии маленького ребенка, пусть это и спокойная послушная девочка.

Лида не располнела после родов, и материнство ей шло. Даже если бы ей не говорили об этом на каждом углу, она сама видела. Часто пугали разговорами о ревности мужа к ребенку из-за невнимания жены. В их семье такого не произошло. Наоборот, с рождением дочки все наладилось. Если до этого что-то и было не так, Лида винила в этом только себя. Редко, но бывало, накатывали приступы уныния, и она, приходя домой, плакала, пила валерьянку и зарывалась под плед, лицом к стене. Она помнила, что надо готовить обед, муж придет с минуты на минуту, и он в ее депрессивных состояниях нисколько не виноват, хоть и часто воспринимает их на свой счет. Лида надеялась, что он верит ее вранью про головную боль или еще какие физические недомогания. Но сомневалась. Сева хоть и не излишне чуткий, но любит жену, а это порой все осложняет.

Теперь же он приходит домой молчаливый, потерянный, непривычно замкнутый. Для Лиды такое состояние в порядке вещей, но Сева погружает весь мир во мрак одним видом.

После ужина, за которым Савелий почти ни слова не проронил, разбрелись по разным углам. Дуняшка ползала туда-сюда. Говорить еще толком не начала, но старательно произносила отдельные звуки. Родителям и этого достаточно, а папа любит детей и с дочкой возится куда талантливее жены.

Около десяти вечера, уложив дочь спать, Лида не выдержала. Подошла к мужу, безразлично уставившемуся в ноутбук, села на подлокотник и тихонько спросила:

– Севочка, у нас все в порядке?

Он понял, несмотря на пространность вопроса, и не уворачивался уточнениями.

– Все в порядке, малыш.

Взял ее за руку, попытался изобразить во взгляде былую теплоту. Лида кивнула, не зная, что еще сказать, хотя обдумывала варианты весь вечер.

– Просто наваждение какое-то. Ты должна понять. Все пройдет.

– Может, хочешь побыть один какое-то время? Мы с Дуняшкой могли бы пожить у дедушки…

– Нет, ни в коем случае! Вы мне очень нужны. Обе.

А дальше разговоры о том, что надо больше времени проводить вместе, дочка уже достаточно взрослая, чтобы таскать ее по общественным местам, можно куда-то выбраться хоть в ближайшие выходные. Лида слушала и кивала, а внутри расползалась пустота и боль. И почему-то обида, хотя мужу она верила.

Мы все переживем, все преодолеем, – твердила она себе при каждом натиске уныния, с неясной надеждой ожидая выходных. Будто они что-то изменят.

* * *

В торговом центре всегда толпы народа в субботу. Многолюдность утомляла Лиду, а от пестроты витрин кружилась голова. Пока сидели в кафе, дочка спала. Уходить не спешили, боясь, что громкая музыка разбудит ее. Сидели молча. Лида с облегчением вздохнула, когда девочка проснулась – мирно, без слез и шума. Правда, попытки посадить себя в слинг сразу пресекла.

– Пусть побегает, надо куда-то энергию девать, – рассудил Савелий.

Лида первой заметила, что дочь подошла к эскалатору и доверчиво протянула ручку какому-то мужчине. Тот слегка наклонился, взял ее за руку и остановился.

– Ждем, ждем, – услышала Лида, подбегая к незнакомцу. Тот едва заметно улыбался, глядя на девочку, а она, казалось, не понимала, что дядя – чужой и задерживать его не следует.

– Ради Бога, извините…

– Да ничего страшного.

Их взгляды встретились, и на секунду Лида перестала слышать оглушительную музыку. Руслан. Постаревший, погрустневший, но такой знакомый. И он ее узнал.

Подошел папа. Просто идиллия: маленькая счастливая семья и матерый неудачник.

Сева предложил посидеть в кафе, пообщаться, хотя Лида с трудом представляла, как это возможно. Она умеет владеть собой, и никто не знает, как горько может в одиночестве рыдать человек, фонтанирующий остроумием и улыбающийся всем вокруг.

Руслан, видимо, тоже не представлял совместных посиделок и вежливо раскланялся, а Савелий подхватил дочь на руки и направился в противоположную сторону. Лида плелась следом, пытаясь придать взгляду заинтересованность при бессмысленном созерцании витрин.

– Что на душе колышется? – прохладно спросил Савелий

– Пока не знаю.

Сева окинул жену взглядом. В белых джинсах и голубой футболке Лида выглядела ярко и привлекательно. Красивые волосы. Спортивная фигура. Всю беременность не вылезала из бассейна, а на восьмом месяце чуть не побежала играть в баскетбол – еле удержал. Замучилась с огромным животом, засиделась. Любому польстит, когда рядом такая красавица.

– Хочется допытаться, чувствуешь ли что к нему, – признался Савелий.

– Рада твоей честности – молчание уже невыносимо. Но правда не знаю. Встретила и встретила, что такого? В одном городе живем. Это давно не наваждение.

– Это уже упрек?

– Солнце, разве я вправе расточать упреки? Побойся Бога.

И снова молчание, но уже менее тягостное.

* * *

На следующий день Лида с дочерью гуляла в парке. Это не было обычным местом их прогулок, но таскаться по двору надоело смертельно. Не получалось у Лиды болтать ни о чем мамочками, а Дуняшке, казалось, так же непросто ладить с другими детьми.

– Вот уж не ожидал встретить вас опять, – Лида не сразу узнала голос.

– Я тоже никак не ожидала.

Она сдержанно улыбнулась Руслану, который, не дожидаясь приглашения, сел рядом на лавочку.

– Давно ты замужем?

– Два года.

– Признаться, не думал, что у вас все серьезно.

– Почему же? Мы оба выдали себя с головой еще на дне рождения, если помнишь.

Она не лукавила. Последующие события того вечера вытеснили из памяти надрыв встречи с Русланом. А встретились они на дне рождения Севы. Он уже был влюблен, но понимал, что Лида не торопится отвечать взаимностью, ухаживания принимает грустно и неохотно. Но поскольку она была свободна, Савелий не отступал. Решил закатить праздник, позвать старых друзей, показать любимой свою холостяцкую обитель.

Она была прекрасна в тот вечер – хотелось быть красивой для Савелия, хотелось понравиться его друзьям. В конце концов, хотелось просто развеяться, почувствовать себя живой, нужной, привлекательной. Гости толпились по всем комнатам, разбивались на маленькие компании, курили на балконе, мирно общались, полируя двери… Друзей у Севы много. Разве предугадаешь такую встречу? Она же не спрашивала его: знаешь такого-то и растакого-то? Зачем? Да и кто предполагал, что Руслан решится на диалог, закрыв дверь кухни?

Лида не высказала тогда наболевшее, хотя он дал ей такой шанс. Но услышав фразу «за что ты так ненавидишь меня, неужели я сделала что-то настолько страшное – опешил. Не мог сообразить, что ответить, пытался разубедить, нес какой-то бред, атаковал вопросами – по большей части риторическими. Лида чуть не расплакалась. Оба поняли, что все может вернуться на круги своя, если бы кто-то вдруг не вломился в кухню.

– Русь, я тебя везде ищу! – Лида не помнит, кто это был, да и не успела бы всех запомнить. А этот кто-то начал забалтывать Руслана, а тот безуспешно пытался отделаться от бестактного собеседника.

На секунду Лида замешкалась. С одной стороны, мучительно хотелось остаться, поддаться на провокацию, дать им второй шанс… или уже третий? С другой – надо хоть иногда включать разум, а он давно талдычит, что пути назад нет. Хватит наступать на грабли, хватит жить иллюзиями и аффективными вспышками.

Она ринулась прочь, оставив Руслана с «другом». Руслан пытался догнать ее, но его нежданный собеседник оказался навязчив и разглагольствовать не прекращал. Она слышала, как Руслан окликнул ее. Не обернулась. Зашла в туалет, вызвала с мобильного такси. Потом быстро нашла Севу и поставила перед фактом: надо уехать. Ты не при чем – вечер прекрасный, все замечательно. Лида не пыталась выдумывать причин. Сказала только, что хотела бы уйти незаметно.

– Знаешь, никогда не любил праздновать свой бёздник… просто хотел, чтоб ты пришла. Все только ради этого затеял.

Лида не успела прислушаться к чувствам – зазвонил телефон. Незнакомый номер – должно быть, такси. Нет, Руслан. Едва услышав его голос, Лида сбросила вызов.

Такси перезвонило сразу после. Лида увидела машину в окно. Сева понял, что она не хочет идти через весь дом. Пальто можно и потом забрать. Он открыл окно и спрыгнул в сад.

– Иди ко мне, не бойся!

– Сумасшедший!

– Сегодня можно.

Поймал ее, поставил на землю, и они побежали к машине. Было холодно – конец октября. У машины долго не прощались – и без того грустно. После очередной попытки убедить Севу, что вечер удался, и справиться с чувством вины, Лида забралась в такси.

– Так, подвинься, – он неожиданно сел рядом и обратился к шоферу: – поехали.

– А гости, твой праздник, твой дом?…

– Им хорошо и без меня. А праздник продолжается.

Он раньше не был у Лиды, но ей стесняться нечего – в квартире всегда порядок и уют, она иначе не может. Всю дорогу Сева обнимал, целовал ее и ни о чем не спрашивал. Телефон вибрировал в сумке, но Лида делала вид, что не слышит. Сева оставил телефон дома, так что его никто не беспокоил.

– Позвоню на домашний от тебя, если позволишь. Надеюсь, кто-нибудь возьмет трубку…

Слушать забавно: «Не знаю, когда вернусь, продолжайте без меня. Если надумаете уходить, оставьте ключ под дверью.»

Лида сомневалась, что Севе стоит рассказывать о случившемся, да и о Руслане вообще. Все-таки они если и не друзья, то хорошие знакомые, да и влюбленному человеку неприятно будет слушать излияния подобного рода. Сева и не настаивал – только слегка подталкивал и намекал. Лида не выдержала – поведала все, от начала до конца, но имени не назвала. Сева мрачнел на глазах.

– Малыш, пойми, я же теперь не смогу ни с кем общаться, всех начну подозревать…

– Общайся со всеми как прежде, все уже минуло. Позже я тебе скажу, но пока не стоит.

Они приготовили ужин. Красное вино, любимая музыка. Стало так легко и хорошо без недомолвок и белых пятен.

– Вот это я понимаю, праздник! – мрачность исчезла, но во взгляде осталась легкая грусть, – оставишь меня на ночь? Я буду себя хорошо вести.

– Разумеется, у меня же две комнаты!

Лида обрадовалась, что он остался – после ухода гостей бывает так пусто и одиноко…

Ближе к новому году Сева сделал предложение Лиде. Она терзалась противоречиями и терзала родных и подруг. Все в один голос советовали предложение принять – парень отличный и так тебя любит, хватит с ума сходить по тем, кто того не стоит. Да и вообще, с ума сходить не надо – все должно быть трезво и взвешенно, по словам мамы. Семью создаешь, а не свитер покупаешь.

Да, голова кругом от любви к Севе не шла, но жизни без него Лида уже и помыслить не могла. Обвенчались в феврале – нелюбимом обоими месяце, потому и хотели освятить его памятной датой. А через год родилась Дуняшка – в марте, на Евдокию. Лида всегда знала, что у нее будет дочь и хотела назвать ее в честь бабушки.

– Ох, как я влюблялась! – часто вспоминала она бабушкины перлы. – Ты не представляешь! А через неделю смотрю – у него коленки на штанах пузырями, ботинки грязные… и все!

У Дуняшки Севины глаза и Лидины черты лица. В целом не поймешь, на кого похожа. Вот и сейчас, Лида смотрела на дочь и проматывала последние два года кадр за кадром. Как изменилась жизнь! Не раз она задавала себе вопрос, как все сложилось бы, если бы она дослушала тогда Руслана. Или уехала бы одна, а Севка допытался бы у того, в чем дело. Могло случиться и так, что именно Руслан увидел бы ее у такси и увязался следом. Словом, куча вариантов, один другого ярче. И почти за всеми виделись обломки трех жизней.

Этот человек, сидящий рядом и пристально на нее глядящий… Что ему надо?

Главное, она излечилась от губительной страсти. Теперь ей даже не хочется находиться рядом с ним, не хочется, как ни страшно признаться себе самой, чтоб он прикасался к ее дочурке. Он, который меняет девушек чаще, чем нижнее белье, и каждая новая моложе предыдущей. Он, заливающий алкоголем душевные пустоты и хвастающийся, что по лицу этого не видно. Было. За два года явственно проступило.

– И как, хорошо тебе живется? – спросил он напоследок. – Все, как ты хотела?

– Ты даже не знал, чего я хотела.

– Я догадывался, -усмехнулся он.

– Тебе же все обо мне ясно – вот и не пустословь.

– Ну, надо же разговор поддерживать.

– Кому надо, Русь?

Хорошо, что девочка не видела, как вчерашний дядя пытался поцеловать маму на прощанье. Лида не просто увернулась, а шарахнулась, словно он пытался ее ударить. Непонятно теперь – почему этот человек так долго занимал ее сердце?

* * *

В одну из суббот Сева буквально выпихнул жену проветриться. Встретиться с подругами, пройтись по магазинам. А с дочкой останется он – Лида так замоталась в последнее время, что жалко смотреть. С подругами она не встречалась – хотелось побыть одной. Побродить по городу, послушать музыку в наушниках, посмотреть на людей.

Когда она вернулась, Сева был один.

– Евдокию к дедушке отвез – он дико соскучился. И всех нас вечером ждет, кстати. А пока, давай-ка поговорим.

Не о Елене и не о Руслане. Не о любви или влюбленности. Не о чувствах и разуме. Обо всем отвлеченном – как раньше. Пока не опустеет рюкзак с вином, а тогда уж можно и в частности. И как хорошо вместе молчать, помнишь? Разве есть кто-то ближе и дороже? Разве можем мы с чем-то не справиться, пока вместе? Что Господь сочетал, человек да не разрушает…

И как легко, прижавшись к любимому и крепко обняв его, с улыбкой сказать:

– Видели недавно твоего дорогого друга. Целоваться лез, еле ноги унесли.

– Вы слишком многих, мнится, целовали… – вспомнил он Цветаевские строки.

– Отсюда грусть!

Подарок

Как можно работать, когда на улице такой май! Поездка в Нижний Новгород накрылась, но Илья не сказал друзьям, что остался в городе. Опять набегут с выпивкой, испортят праздники. Хочется посидеть одному, помолчать. Объект никак не успевается, ну да ладно, мелочи.

У Вовки день рождения, не отмажешься. Илья пришел одним из первых. У Вована очаровательная манера приглашать самых близких на два часа раньше остальных, чтоб помогали с готовкой. И стол-то, прямо скажем, никогда не ломился – так, салат с крабовыми палочками, картошка вареная и ножки куриные, овощи целиковые и бухла вечно не хватает. Илья эту манеру знал и несколько лет опаздывал на кухонный наряд – готовки хватает и дома.

– Тебе надо было не в строители, а в повара идти, – шутила мама.

По крайней мере, ей не беспокоиться, что сын умирает голодной смертью. К родителям Илья ездил все реже. Очень их тревожило его затянувшееся одиночество. А он устал делать вид, что его оно не заботит.

Вован пользовался праздником, чтобы дорогих людей повидать, а не устраивать обжираловку. Публика потчевала хозяина интересными историями, которые тот любил до страсти. Будто сами собой находились развлечения, игры, забавы и даже музыкальное сопровождение. Поход в лес в этом году не состоялся, сидели на кухне.

– Что, посмотреть нечего? – Илья кивнул в сторону бормочущего телевизора.

– Да хотел диск поставить, а там какие-то новости жуткие, мне ж везет… – оправдывался хозяин, не отворачиваясь от плиты.

– Сегодня около десяти утра неизвестный ворвался в храм Архистратига Михаила и открыл огонь по священнослужителю. От тяжелого ранения скончалась на месте регент хора, – донеслось из ящика.

– Фу ты, ну ты! – Вован. – Уже и до нашей дыры добрались. Где этот храм?

Дикторша сказала «архистратега», Илья расслышал непроизвольно.

– На Жаворонке, – ответил кто-то из ребят.

Елена Воронцова, регент хора, бросилась наперерез злоумышленнику и закрыла своим телом настоятеля храма. Стрелявшего задержать не удалось, ведется следствие…

Илья выпил больше, чем надо, и шел домой пешком. О Лене Воронцовой он никому никогда не рассказывал. Не писал в блоге, не успел познакомить с друзьями. Хотя Вован ее видел и даже перекинулся парой фраз, но фамилии не знал. Род занятий тоже. Не соотнес Елену из новостей с той самой Леной, которая однажды была у Ильи. С высокой девушкой в черном. Ничего особенного, милая такая девочка…

Соседи за забором еще не легли спать. Уютно горел свет, слышались голоса. Илья знал их распорядок наизусть. Утром хлопали двери – муж на работу, потом жена, сын в институт. Раз в неделю приезжала замужняя дочь с ребенком. Иногда они болтали о том, о сем. В обед жена приходила, вешала белье. И так всегда. Может, в этом однообразии счастье?

– Ты видишь только внешнюю сторону их жизни. Со стороны и твоя выглядит не лучше.

Ленины слова. Она разочарована в нем, но он не виноват. Он обидел ее только тем, что не соответствовал ее домыслам. Сама придумала, сама обиделась, а он такой, как есть. Конечно, она права. Даже разнообразие входит в привычку. А погоня за ним скрывает чудовищное уныние…

Он включил свет над вытяжкой, сел за стол и сидел так, слушая тиканье часов. Казалось, долго-долго. На душе будто что-то разорвалось в клочья, и каждый кусок тянулся в свою сторону. А в центре пустота. Прожорливая, как черная дыра. Ужасающая, безграничная.

Утром болела голова. Он выпил крепкого чая и поехал на Жаворонкова. В храме служба. Еще не наступила Троица, священники в пасхальных ризах. Точнее, один. И алтарник. На кли-

росе пищит немолодая женщина. За свечным ящиком сидит еще одна – старше, грустнее. Илья помялся у ящика, решился-таки заговорить со свечницей. Ее вчера не было, она не видела, что произошло. Лена никогда не думала в таких случаях – делала, что должно – и будь, что будет. Так и на сей раз. Стрелок тут же вылетел из храма, не догнали. Есть подозрения, есть задержанные.

– Когда похороны?

– Завтра. На литургию привезут, потом отпевание.

Илья повертел головой, прислушался к пению, мазнул взглядом по иконам.

– Что мне делать? Не помню, что принято в таких случаях.

Женщина помедлила с ответом и пристально посмотрела на Илью.

– Все уже сделано. Можете в других храмах заказать сорокоуст. На девять дней и сорок дней панихиду. И сами помолитесь, псалтирь почитайте.

Он имел в виду сейчас, здесь, сию минуту. Заказать, заплатить и уйти. Промолчал, не выдал невежества и лени. Кивнул и не услышал «приходите завтра». Сел в машину, как робот, не спеша покатил домой доделывать камин. Работа валилась из рук, хотя надеялся, что отвлечет от тяжелых мыслей.

На следующий день приехал в Михайловский храм к половине десятого, и вовремя – батюшка решил не смешивать панихиду с отпеванием и последнее отслужить раньше. Народу много. По крайней мере, двое знакомы Илье: маленькая хрупкая девушка, с которой он видел Елену зимой на концерте, и высокий черноволосый парень, знакомый по увлечению мотокроссом. Тот был с женой, которую Илья тоже видел много лет назад, но теперь бы не узнал: слегка располнела и прическу изменила.

Остальные, видимо – люди, работающие в храме, Ленины родители, немногочисленные знакомые и друзья (в большей степени, родителей – много пожилых). Илья стоял в сторонке, ближе к клиросу, чувствуя себя неловко и волнуясь, что кто-нибудь заговорит с ним. Посторонний человек в Лениной жизни, наверняка и не вспоминала о нем. Поудаляла из сети все аккаунты, он давно ничего о ней не знал.

Гроб напротив алтаря. Илья боялся всмотреться в лицо, но при беглом взгляде оно показалось таким же милым, почти живым. Вот-вот Лена откроет глаза, встанет и пойдет по храму, подшучивая над собравшимся и над поводом собрания.

– Непорочные в путь, аллилуйя. Блаженни непорочные в путь ходящи в законе Господнем… – запели две женщины. Одна вчерашняя, другая – маленькая, кругленькая, помоложе.

У всех в руках свечи. Илья тоже купил и зажег от свечи с канона. Прямо у гроба женщина в белом платочке – должно быть, мама, хотя не слишком похожа на Лену. Долго и пристально разглядывала Илью. Видно, что в молодости была красавицей. Илья не видел ее раньше, но казалось, от горя она резко состарилась. Отец почти седой, высокий, подтянутый, но похожий на тень.

Покой, Господи, душу усопшея рабы Твоея…

Взгляд Ильи скользнул по клиросу. Одна подставка для нот и небольшая полочка с книгами. Захотелось спрятаться там и присесть на маленькую лавочку – оттуда его почти не будет видно. Он так и не услышал, как Лена поет…

Зряща мя безглсна и бездыханна предлежаща…

Илья стиснул зубы и перекрестился. Жест показался непривычным, забытым, но впервые за все время здесь – искренним.

Молитеся обо мне, братия и друзи, целуйте мя последним целованием…

– Ну что ж, братья и сестры, – начал свое слово уцелевший батюшка, – вот мы помолились об упокоении бессмертной души нашей Елены, и кто-то из мирских людей, возможно, не поймет, возмутится – ну как же, такая молодая, красивая, талантливая, еще жить и жить, в храме работала, должно все быть благополучно, просто через край. Но верующие знают, что бывает,

как раз, наоборот. У Христа – значит у креста. И никогда не понять человеку, живущему по законам мира сего, что значит мученический венец, и кого Господь может удостоить этой милости. Пострадать за Него, пребывать с Ним отныне и до века. Кто-то скажет – внезапная смерть, не подготовилась, не причастилась. Но мы знаем, что и такое бывает с нашими собратьями. Господь управляет все по Своему разумению, и тут важно помнить, как жил человек. Не всегда получается подготовиться к смерти, но, если именно сейчас Он счел нужным Свою рабу забрать, значит, она была готова. Человек отдал жизнь вере, Богу, молитве. До последнего вздоха. И умер, положив душу за други своя, а по словам Господа, большей любви не бывает. Умер на посту, можно сказать. А что до нас, оставшихся, родных и близких, – без скорбей не войти нам в царство небесное и таким образом – через боль утраты, понимание собственного недостоинства, через чувство вины – Господь спасает нас. Как ни обидно и ни больно это слышать и осознавать…

Маленькая подруга Лены тихо плакала, черноволосый парень приобнял жену. Многие женщины вовсю хлюпали носами, кто-то тяжело вздыхал. Илья задумался, хорошо ли с его стороны, подойти к гробу и поцеловать Лену в последний раз. На глазах родных и знакомых.

Подошел, склонился над мраморным лицом с дурацкой ленточкой на лбу и коснулся ее губами. Лицо совсем юной девушки, будто спящей. Никакой мертвенной бледности или желтизны, обострившихся морщинок, ввалившихся глаз. Однако другим он помнил это лицо. С закрытыми глазами оно, как пустой дом с погасшим светом. Он помнил тепло ее губ и мягкость волос. Не хотелось думать, что через несколько минут нежность ее объятий останется в прошлом навсегда, и ее прекрасные руки истлеют в могиле.

Непорочнии в путь, ходящии в законе Господнем…

Нарушь она тогда этот закон – возможно, была бы жива.

– Илья? – голос Лениной мамы.

Он развернулся и только открыл рот, чтобы ответить.

– Пойдемте с нами. Если хотите, конечно. На кладбище, а потом помянем.

Он растерянно кивнул. Откуда они его знают?

Дороги на кладбище Илья почти не помнил. Внутренне сжался в комок и перестал ощущать реальность. Не мог больше смотреть на Ленино лицо, будто пытаясь открыть ее глаза силой взгляда. Это теперь лишь тело, которым он так хотел обладать. Это больше не она. А ее он так и не узнал. Интересно, видит ли она его? Что почувствовала, когда увидела? Или мертвые уже не чувствуют?

Страшный звук – гвозди в крышку гроба под «Святый Боже». Безнадежный, удушливый. Хотелось бежать от него, провалиться. Крепкие, по пояс голые ребята опустили гроб в идеально ровную яму. Уродливое нутро земли затенило и поглотило его. Комья по крышке – еще один страшный звук. А небо синее-синее, солнце яркое, и птицы заливаются на все голоса.

В том же беспамятстве Илья попал в дом Лениных родителей. Двухкомнатная квартира сталинской постройки. Даже кладовки нет и кухня крохотная. Прямо рядом с ней – Ленина комната. Все бегали, суетились, предлагали помощь маме, таскали еду в зал. Илья мялся по коридору и оттерся в Ленину комнату. Не так больно видеть ее безжизненное лицо, как личные вещи. Он никогда здесь не был и не знал, как она жила. Люди сновали по коридору мимо этой комнаты, так мучительно хотелось закрыть дверь и остаться одному! Илья вжался в стену за дверью – так его почти не видно извне.

Напротив – большое черное пианино, уставленное иконами. Компьютер… монитор маленький, таких сейчас не выпускают. Значит, за этим столом она писала ему. В шкафу – богословская литература, книги по теории музыки, энциклопедии, философия, классическая зарубежная проза. Игрушек мало, цветов нет. Забытая на столе чашка. На спинке кресла – шелковый платочек.

– Возьмите что-нибудь на память, если хотите, – раздался над ухом все тот же тихий голос.

Илья растерялся.

– Я узнала вас по фотографии, – мама открыла книжный шкаф и достала фотоальбом. Распахнула на последних страницах и развернула к Илье. Его фотография пятилетней давности. Качество паршивое, «селфи» на мобильник. Вот уж не подумал бы, что Лена ее напечатает…

– Наверное, Нина больше знает об этой истории, пусть она вам что-нибудь подскажет.

Появилась жена черноволосого парня. Мама обратилась к ней с просьбой выбрать подарок Илье. Тот растерялся пуще прежнего. Не понравилось ему, как Нина смотрела – холодно и презрительно. Сняла с полки какую-то книгу и протянула Илье. Это оказались распечатки, переплетенные как диплом или курсовая. На обложке коллаж из фотографий. Лениных… и его. Разглядывал несколько секунд, затем вопросительно посмотрел на Нину.

– Прочти, она бы не возражала.

Такой подарок не сунешь в карман, и пока Илья размышлял об этом, Нина исчезла. Пролистал несколько страниц, зачем-то оглядываясь. Похоже на дневник. Или письма? Сто тридцать страниц!

За столом сидели тихо, телевизор не включали. Кто-то вспоминает покойного, вгоняя в слезы недавно успокоенных сотрапезников, кто-то старательно молчит, пытаясь отвлечься на еду. Здесь второе, но отвлечься не получалось. Пить Илья не мог, о чем сильно жалел, но рисковать недавно полученными правами не хотелось. Ленин отец то и дело пулял в него хмурые взгляды. Еда в горло не лезла.

Неуклюже попрощавшись с мамой, Ниной и кажется, Таней (которую видел на концерте), Илья сел в машину и поймал себя на том, что чувство опустошения и подавленности ушло. Легче дышится. Он положил папку Лены на сиденье рядом и покатил домой. По пути купил ветчины и коньяка. Надо было забрать свою фотку – наверняка родители ее порвут или выкинут.

Приехав, Илья заперся дома. Можно помянуть и в одиночку. Что же ты наделала, милая девочка? Загубила жизнь, спасая толстого попа? Складно он говорил, речь так и лилась. А чувство вины – о себе что ли? Всегда это чувство по отношению к усопшим. Просто потому, что жив, причина уже неважна.

Сел за стол. Звякнула отставленная рюмка, прошуршали страницы – открыл на середине.

«*Не люблю. Просто обида какая-то внутри сидит на слова твои. Взялся жизни учить, а сам понятия не имеешь о ней. И обо мне. Грязный подонок. Вероятно, обида подстегивает писать. То, чего я никогда не скажу тебе в лицо и вряд ли доверюсь кому-то, но молчать и носить это в себе тяжко*».

Илья поперхнулся коньяком. Это она о нем? Не может быть, с какой стати! Пролистал в начало. Третье августа трехлетней давности. Письмо. Ему? Непохоже. Тогда почему Нина всучила ему эту папку? Лучше бы уж фотографию или кольцо… и все-таки ему. Неотправленные письма – целый роман. А он – главный герой.

«*Я ведь хочу, чтобы в моей жизни был ты, но такой, который удобен мне, которого я себе придумала и которого не существует. Как вы создаете себе ручного бога, а потом разочаровываетесь в придуманном христианстве. Разница в том, что сатана охотно подстраивается под образ придуманного бога и взимает плату за свое актерство. Реальный человек на это не пойдет, если нет личной выгоды. Тебе, конечно, была бы, но и роль непосильная. Проще найти другую публику. Может, удалить тебя из друзей и не видеть в новостях, какой порнографией ты питаешь душу? Что мне за дело, обидишься ли ты? Нет, конечно, есть дело – даже по-христиански. Если есть у кого обида на меня – это моя проблема. Тяжело*

от несказанных слов, или от сказанных не так, как нужно было. Но раз Господь это искушение попустил – должна справиться».

Илья встал, прошелся по огромной кухне. За окном хмурится, темнеет. А с утра было так хорошо! Допил оставшийся в рюмке коньяк, нашел в холодильнике лимон. Ломтик получился кривой и тощий.

«Господи мой, Господи, сколько раз Ты спасал меня, и чем я отвечаю, как благодарю? Ненавижу себя и все равно думаю о нем. Полный боли взгляд, увядающее лицо, чуждое улыбке – такое… неуместное на фоне цветущих двадцатилетних. У Джульетты был день рождения и, разумеется, фотки. Комично. Гротескно. Он как отец ей. И зачем понесло на ее страницу? Испортила себе Рождество, которое он не празднует. Правильно, как его праздновать, если не в храме? Зато с нового года стандартные фотки застолий с елками. И этот человек учил меня жизни! Видно, как классно ты живешь, солнце. А она пишет на стенке под фотками его щенка – сегодня будем спать с этим зверем. И про любимое тело, в котором нет запретных мест, оно бесконечно желанно. Смотрите, как надо жить! И вряд ли знает, что за две недели до их знакомства писал такой же бред на странице бывшей жены».

Странно, что она пишет то «ты» то «он», но всегда понятно, о ком речь – другой «Ты» и «Он» тоже вопросов не вызывает. Отодвинув папку, Илья закрыл руками лицо. Увядающее, неуместное. Сама ведь говорила, что он хорошо выглядит. На тридцать два, не больше.

«У Гришковца услышала, как впервые, в спектакле „Плюс один“ – я всегда любил жизнь и хотел жить. А я не любила. Вам дано все, чтобы быть счастливыми, а не умеете. Еще про боль понравилось – слов не найдешь для ее выражения, не донесешь, не объяснишь, как тебе плохо – тогда и становишься плюс один к человечеству. Дело не в людях, которые не хотят слышать и понимать, не в поверхностном общении, которое многие считают нормальным, и, дескать, потому есть самоубийцы, что их никто не услышал и не понял. У каждого – своя боль, надо учиться жить и справляться с ней. Не ища виноватых. Их нет – мы пленники в башне. Я бы тоже хотела докричаться хоть до кого-то, да не знаю, как, не нахожу слов. Хотя начать стоило с того, что не ведаю, как живут без Бога. Я бы повесилась или спилась. Кто бы удержал?»

Сколько смертей было в прошлом году! Молодые ребята, чуть за тридцать накладывают на себя руки, а мужики чуть за сорок умирают от сердечного приступа. Девушки, которые существуют только в книгах – бросаются под пули… Докричаться?

Зазвонил телефон, но Илья проигнорировал его. Налил себе еще, хотя и так тьма в глазах. Кто торопит? Дочитай завтра. Зачем себя мучить? Но не оторваться. В сердце проснулась боль, которую перестал чувствовать, казалось, навсегда.

«Я вычеркнула тебя из жизни не потому, что надо учиться жить без тебя, а потому, что больно смотреть, как живешь ты, не в силах что-то изменить. Будто роешься в помойке, а потом не можешь избавиться от вони, словно пропитался ею. Говорят, фраза „я сделал все, что мог“ характеризует не верящих в свои силы. Я ничего не сделала, только отходила от шока: мечта сбылась, ты рядом. Ты – тот самый, подумать только! Я не умываю рук, есть в чем упрекать себя. Но главным остается наше произволение, а видя его, Господь создаст условия жизни по вере. Твоего произволения не было, а значит, я поторопилась вламываться в твою жизнь».

Поторопилась, девочка моя, разумеется. Не оклемался после развода, ничего вокруг не замечал. Такой несвоевременный подарок…

Она мечтала? О нем? Но как это возможно? Первые письма – вовсе не ему! Или тому, каким был когда-то и которого давно никто не замечал…

«*Если правду сказали – благодари. А если нет – беспокоиться не о чем, не про тебя же.*

Правда в том, что недооценили, какая ты чистенькая и уникальная. Банальное самомнение и гордыня. Да еще поучать пытаются неудачники и безбожники.

А если неправда – блаженни есте, егда поносят вам и изженут и рекут всяк зол глагол на вы…

Он не враг, никто тебя площадной бранью не осыпал, не бил тростью по голове, не плевал в лицо, и даже клеветой это не назовешь. А тебе уже обидно, шшь, какая цаца. Радуйся и веселись.

А раз не получается – значит, правда и все о тебе…»

Илья схватил пустую рюмку и размял ее в руке. Боли не ощутил. Подошел к раковине, смахнул осколки с окровавленной ладони.

Первый раскат грома вдали – глухой, утробный.

В этих записях Бога больше, чем его. И Лена – такая непривычно говорливая, последовательная и воинственная. Мир, который так и не узнал. Который мог стать и его, Ильи. Но поздно. Нить оборвалась, и рука, тянувшая его к свету, тлеет в могиле. Господь забирает лучших. А вы, оставшиеся, мучайтесь чувством вины и горечью жизни.

«*Великий четверг, страстная седмица. О другом надо думать. А может и нет… не внушить себе, что забыла, а растравить душу и впрямь излечиться? Или это прелесть и непосильный подвиг? Мне всегда надо чувствовать, а не понимать. Не просто верить, а знать, почему. Не система запретов, а опыт страданий и покаяний. После Пасхи будто лопается болезненный волдырь, и можно начать все с чистого листа. Постное странствие вот-вот завершится, и вернешься к привычным делам и пище. К чему была дорога? Что приобрел? Кого победил? Где мои чудовища морские, где дракон? Пусть лучше сидят в глубинах сердца, я не готова к встрече. Я трусиха*».

Хлынул дождь. Порыв ветра со звоном распахнул форточку. Илья вскочил, подлетел к окну. У соседей свет. Несколько фигур в окне. Сын закатывает жалюзи. Машет Илье рукой. Реакция заторможена, но с ответом справился. Навалился на форточку, еле закрыл. Надо смазать шпингалет, плохо поддается…

Взял коньяк, папку и поплелся наверх. Сейчас сядет у камина, как барин в большом пустом доме, и погрузится в чтение. Последняя исповедь. Правда о нем. Теперь с ней не поспоришь. Не оправдаешься. И, наверное, Господь расскажет Лене, какой след оставило ее короткое появление в чужой изуродованной жизни. У них теперь целая вечность.

Длительная выдержка

В кои-то веки дела у Артема пошли в гору. В успех не верил никто – ни родители, ни друзья, переставшие мечтать и занявшие свои места в этом мире, ни возлюбленные, которым оказалось трудно поладить с творческим человеком. Даже коллеги по группе – кто-то играл еще в пяти командах, кто-то занимался сольными проектами, кто-то выпивал, кто-то осчастливил Артема только для развлекухи – играют же люди в футбол после работы, почему бы в рок не поиграть? Когда Артему это надоело, он стал подбирать музыкантов не по дружбе, а по профессионализму. Худо-бедно пошло-поехало. Только сайт хромал.

– Некоторые особо одаренные с него начинают, а ты все в соцсетях сидишь, – говорил Женька, лучший друг и программист, – разгребусь со своими делищами, возьмусь за твою визитную карточку.

Артем не торопил.

– Фотки нужны козырные. Волосатые стильные дядьки в героических позах. Ну, понимаешь…

Знакомый фотограф у Артема имеется.

– Извини, старик, я пока занят, – вздохнул Кирилл, – кину ссылку, обратись к одному человечку. Не откажет.

«Человечек» оказался миленькой девушкой. Студии у нее нет, снимает дома. А лучше выбрать пасмурный день и пофоткать на природе.

Артем не стал пугать девушку, явился один. Идея отчаянно ему не нравилась – он все-таки музыкант, а не рок-звезда. Если бы в наше время можно было зарабатывать продажей дисков, он закрылся бы в студии и химичил со звуком до одурения.

Девушка одета как парень: кроссовки, джинсы, огромный рюкзак, штормовка и бейсболка. А он-то вырядился в кожаный френч, распустил вихры, грохотал штиблетами по сухому асфальту!

– Пойдем лучше в парк, – предложила Надя, – волосы твои с кирпичной стеной сольются.

Об этом он не подумал. Впрочем, пусть профессионал голову ломает.

Благо в парке в будни народу мало, но те, кто был, смотрел на парочку с любопытством. Надя потратила несколько секунд на настройку, сделала пару пробных кадров, пока Артем гулял по дорожке, потом попросила обернуться, снять плащ, закинуть его на плечо, сесть на лавку…

– Да просто двигайся, я тебя поймаю.

– Признаться, перед такой техникой я теряюсь. Не мужское это дело.

– Девчонки тоже теряются. Сначала да, окей, позинг будет зашибись, а на деле – как перед расстрелом.

Фотограф с ним на одной волне – общительной ее не назовешь, и Артем чувствовал, что девушка делает над собой титанические усилия, чтобы расшевелить его. Однако вскоре творческий процесс ее увлек: в ход пошли анекдоты и «представь себе» – то полный зал, то летящие не сцену лифчики, то контракт на пару миллионов.

– Ладно, что-то да получится, – вздохнула Надя и, опустив фотоаппарат, стала разминать руки, – пришлю на электронку результат, может, плеваться будешь.

Вечером Артем получил несколько фотографий. Надо же, а он ничего! Ни красавец, ни урод, ни румян, ни бледен. Лютой обработки не заметил. Все реалистично, стильно, ничего лишнего. Он набил письмо, полное искренних благодарностей и напросился на студийную съемку. Надя согласна принять его одного.

В «живом журнале» девушка разместила портфолио – пейзажи, портреты, натюрморты. С этими ссылками Артем ознакомился в первый же вечер переписки. Но там еще много инте-

ресного: Артем прочел небольшую рецензию на незнакомую ему группу, а дальше – зачитался. Оформляло рецензию фото как из музыкальной студии – цифровое пианино, огромные колонки без сеток, ноутбук. Все это громадье живет в Надиной квартире. А в противоположном конце – торшер-«софтбокс», лампа на прищепке, белые зонтики, полиэтиленовые пленки, разноцветные ткани…

– Кофе сварить? – голос хозяйки вернул его в реальность.

– Не откажусь.

Пока она возилась у плиты, он ходил по единственной, но большой комнате, и разглядывал каждый предмет.

Кофе оказался классным. Он привык к растворимой бурде, а варить у самого почему-то не получалось.

– А ты, значит, тоже играешь? – кивнув в сторону пианино, спросил Артем.

– Бывает. Для себя.

– А по жизни чем занимаешься?

– Давай не будем о грустном.

Забавно это – сидеть в чужом дневнике ночь напролет. Незнакомый человек, параллельный мир. Причем такой, которым он и не думал увлекаться, но вдруг нашел столько созвучий.

Фотографировались, пока обоих не затошнило. Никто не предложил сразу посмотреть фотографии. Ему стыдно видеть себя в присутствии девушки, а она, должно быть, волнуется, не нашлепала ли кривых кадров и не захватила ли чего лишнего.

Придя домой, он обнаружил в ящике не только фотки, но и ссылку на стихи.

– Я снимаю в основном натюрморты, – писала она, – оформляю рассказы. Людей фиг найдешь и нужно письменное согласие, чтобы фотки публиковать.

– Но ведь Кирилл порекомендовал именно тебя, – ответил он.

– Пожалел. Я ему недавно изливалась, что с работы хочу уйти, спрашивала, реально ли фотками зарабатывать. Хорошо поговорили. Сошлись на том, что нереально, – смайлик.

– Почему же? – не понял он. – Все шикарно. Мои знакомые женска пола уже писают кипятком в «контакте», глядя на твои работы. Это чего-то стоит!

– Я бы попросила тебя расплатиться иначе, – появилось на мониторе, – помоги мне записать несколько песен. Я сама в этом дуб дубом и вряд ли научусь.

Оказалось, там писать нечего – голос под фортепиано. Ни сводить, ни мастерить… даже скучно. Спросил, не хочет ли аранжировать. Не хочет. Что ж, способ оплаты Артема устроил.

***

Еще через несколько дней он заехал к Наде ознакомиться с материалом. Она понятия не имела, как работать со звукозаписывающими программами, у нее не было даже микрофона. Пробовала записать на диктофон, снять видео, но качество убило наповал. Теперь Артем чувствовал себя намного лучше: он ехал помочь другу, а не корячиться перед камерой.

Надя пела красиво. Играла, впрочем, тоже. Мелодии незатейливые, но запоминающиеся, голос не поражал диапазоном или прочими техническими характеристиками, но был просто приятен и узнаваем. Каждая нота затрагивала какую-то струну искушенной в музыке Артемовой души.

Текстов он не расслышал, но кое-что успел прочесть на сайте. Надрывные, почти мужские. Сейчас, глядя на хрупкие руки на клавиатуре, слыша нежный девичий голосок, он не верил, что их написала эта самая девушка.

– Слууушай, – многообещающе протянул он, – где ж ты раньше была? Почему я никогда о тебе не слышал, нигде не видел, не читал? Люди с чем только не лезут, а ты сидишь с таким контентом!

Надя потупилась.

– Да, всего понемногу, а в итоге – ничего.

– Брось! Небось, и обложку сбацала к альбому, да? Такие «ничего толком» просто другим не доверяют. Свой мир видят целиком.

Она промолчала и улыбнулась. Она часто улыбалась и громко смеялась. Но грусть в глазах не исчезала никогда.

Пожалуй, она права – ничего добавлять не надо, под фортепиано эти песни звучат таинственно, интимно и, как ни странно, разнообразно, хотя Надя не изощрялась в технике и в подборе аккомпанемента. Артем установил программу, подключил микрофон и записал с первого дубля одну песню.

– Я думала, будешь сводить вокал отдельно…

– Попробуем и так, в следующий раз, – он видел, что она устала, выложилась при исполнении, – ошибусь, если предположу, что эти песни мало кто слышал?

– Не ошибешься, – Надя вздохнула, – всего двое.

***

Женя корпел над сайтом, Артем репетировал с группой, готовясь к ближайшему концерту. С Надей переписывался почти каждый вечер. Когда время позволяло, читал ее стихи. Некоторые даже выпросил себе для песен. Она, казалось, потеряла счет своим творениям, не относилась к ним всерьез, не прорабатывала.

– Придешь ко мне на концерт?

– С фотиком?

– Можно.

Она ответила, что у нее не такой уж хороший объектив и фотки на длительной выдержке могут получиться размытыми.

– Не в газету же их отправлять, – набил Артем, – а на память было бы здорово.

Она пришла. Он видел ее то у сцены, то сбоку, то в проходе. Щелкала только в начале, как многие другие. А потом слушала музыку, покачиваясь в такт. К середине концерта Артем поймал себя на том, что видит в зале только ее. А она не дождалась его после. Он искал ее, но так и не нашел. Вскоре услышал смску – Надя извинилась, что ей пришлось уйти. Фотки обещала прислать, как обычно.

***

Ребята давно разошлись. Надя устроила фотосет на репетиционной базе, а потом они с Артемом загружали осветительные приборы в машину. Перетаскав их после перевозки в Надину однушку, Артем по-хозяйски включил компьютер, а Надя, уже не спрашивая, стала варить кофе.

– Не хочу сегодня ничего записывать, поиграй лучше ты, – не отворачиваясь от плиты, попросила девушка.

Артем давно оставил здесь одну из своих гитар. Он тоже не хотел ничего играть, но отказать Наде не мог. Кофе зашипел. За окном зажглись фонари. Надя включила свет только под вытяжкой, и кухню обволакивал мягкий полумрак. Он запел новую песню на ее стихи – никому из ребят еще не показывал.

– Это я что ли? – Надя рассмеялась, поставив перед Артемом чашку кофе.

Он слышал ее улыбку в полутьме. А затем – не то вздох, не то всхлип.

– Надюш, ты что?

– Ничего-ничего. Играй.

Он отложил гитару, подсел поближе к девушке. В глазах ее блестели слезы, но она упорно твердила, что все в порядке. Артем притянул ее к себе, обнял и погладил по голове. Она не сопротивлялась. Поцелуи соленые от слез, горячие и горячечные.

– Нет, Тём, не надо, не надо… – Надя высвободилась из его объятий, вскочила и подошла к окну.

Он тяжело вздохнул, откинул волосы с лица. Душно здесь, даже слишком.

– Да, прости.

Он увидел ее заплаканное лицо, отраженное в оконном стекле.

– «Вот и бою конец, отдохни от дороги. Старый мир отпусти, и покой здесь найди». Это уже я.

Она молчала. Тому, кто умел читать и слушать, ее музыка и картинки сказали все. И не было стыдно за корявую рифму и дрожащий голос.

Счастье?

Весна в том году наступила рано. Давно отцвела удушливая черемуха, осыпались цветки с вишни и яблони, и одуванчики явили миру задорные золотые шляпки. По вечерам пьяняще благоухала сирень, и вдохновенно пел соловей.

Майская девочка этого не замечала, потому что была влюблена. В ее душе весна только наступила, и с оглушительным треском ломались вековые льды неверия в собственную красоту и нужность. Влажные ветра приносили из неведомых краев запах перемен, которые она создала сама и пока не знала, стоило ли вмешиваться в волю провидения. Неважно – хотелось надышаться ветром, впустить в жизнь кого-то, узнать его реального, а не выдумывать о нем сказки. Она чувствовала его в этом городе, искала в толпе, но он не слышал ее безмолвного зова.

Нажала на кнопку и получила результат.

Он не ждал ее, хотя был один. Не понимал, что происходит, но шел на сближение и проявлял инициативу. Когда его не было в сети, девочке становилось грустно. Она скучала по нежностям, наводнившим их переписку после первой встречи в реальности, которая никаких ожиданий не оправдала бы, если бы девочка чего-то ждала. Она уже поняла, что настоящий он имеет мало общего с выдуманным, и когда он оказался рядом, почти разочаровалась.

Когда его долго не было, она скучала. Спокойно жила весь день, греясь в лучах этой странной любви, предвкушая, как вечером включит компьютер, и почти сразу мяукнет «аська». Неважно, что он напишет. Он и позвонить пытался на следующий после первого свидания день, но девочка отключила телефон, решив осмыслить впечатления. Почему-то не хотелось так сразу… мучительно думать, что сказать.

Она не писала ему первой, но первой прощалась. Забывала дома телефон, когда он звонил. Девочка расцвела, как майский тюльпан. Изменила прическу, сделала маникюр. По вечерам качалась на качелях и переписывалась с ним в интернете. Наваждение. Потребность в любви, желание тепла и ласки, столь естественное для всякого живого существа, а особенно для женщины.

Во второй раз они решили встретиться в воскресенье после шести. Девочка спровадила подругу и стала ждать звонка на скамейке у фонтана. Было жарко и многолюдно, плеер разрядился, и сидеть стало скучно. Он позвонил только в половине седьмого. Она сразу встала со скамейки и пошла, куда глаза глядят, чтобы фонтан не мешал наслаждаться его голосом, чтобы никто не подслушал их разговора и не любовался ее улыбкой, из-за которой она толком ничего сказать не могла.

Он только вернулся с работы и смертельно устал, поэтому не придет. Обращался к ней ласково, но она не расслышала – то ли «моя хорошая», то ли «лапочка». А она все: привет, пока. Нет привычки к таким словам. Расстроилась, потому что хотела увидеть его. И боясь, и мечтая. Слушала бы его голос до глухоты, но он говорил по существу. Она нежилась в этой любви наивно и беспечно.

– Целую тебя, моя хорошая.

– И я тебя…

Еще неделя. Потом все сломалось.

И еще неделю она не могла заставить себя выйти на связь, а он для порядка пытался вину искупить, но быстро плюнул. Женщин на этой планете больше, чем мужчин, а он хорош собой и материально обеспечен. По его убеждению, это – единственное, что волнует слабый пол. Найдутся другие. Бывшая жена, новая подруга. Новая никто, но мало ли таких? Двадцатилетних глупышек, готовых греть его постель.

А девочка не верила, что в ее жизни могут быть другие. Корни любви крепко сидели в опустошенном сердце, а плодоносные ветви застилали глаза и мешали заметить кого-то еще.

Аромат этого дерева любви туманил рассудок и не позволял даже выдумать себе другого. Девочка училась жить заново – с кровоточащей раной вместо сердца. И каждый шаг по новой дороге приносил боль.

Мучительно ползло нервное лето, сменившись пьяной осенью в пустой квартире. Почти незаметно, кривой синусоидой простучала зима, а весна, по своему обыкновению, сулила новизну и чистую страницу опостылевшей жизни…

Снова май. Рано зацвела черемуха, запел соловей, но к середине месяца погода испортилась, запахло осенью. Сама природа велит: не вспоминай, не мучай себя. Восемнадцать счастливых дней прошлого мая – в другой жизни, с другой ею. Она стала еще привлекательнее, это отмечали все – знакомые и незнакомые. А он даже с днем рождения не поздравил. Она и не ждала, но вдруг…

В мае каждый день – событие или воспоминание. Пора цветения, которой не успеваешь налюбоваться. Песня, которой не наслушаешься. Много лет девочка хотела запечатлеть этот быстро ускользающий расцвет природы и не успевала. Любимый сентябрь долго хранит багрянец в отличие от пылкого апогея весны. Не получилось и в этом году. Сначала долгая и непонятная усталость, потом резкая боль, таблетки, которые перестали помогать, апатия. В конце бесконечного дня – скорая, утихшая боль, но подскочившая температура. Закрытая дверь. Озноб и ужасающая сухость во рту. Операция, реанимация, пробуждение и снова боль. Бесконечная, острая, тянущая… невыносимая жажда. И после наркоза – его имя.

Девочка знала, что могла умереть. Она не готова, хотя столько раз примеряла на себя смерть и, казалось, постоянно помнила о ней. Знала, что и с ней может случиться всякое, но когда оно случается – всегда внезапно. Значит, так надо выжечь из души впрыснутое им тление, и через смерть возвращаться к жизни…

Тяжелые дни восстановления – непривычная немощь, которая, казалось, останется навеки, и боль. Она никак не могла осознать, насколько близко подошла смерть. Не успела ощутить ее тлетворного, обмораживающего дыхания. Герои ее фантазий, сталкиваясь со смертью, меняли жизни, что-то осознавали, пробуждались от сна и начинали кое-что понимать. А как ей пробудиться к жизни?

Мы тебя любим и ждем. Она кому-то нужна, даже необходима. Что было бы с родителями, если бы медперсоналу пригодился оставленный ею при регистрации «телефон родственников»? Пусть не верится, что жизнь только начинается, но одной роковой ошибки, одной минуты промедления хватило бы, чтобы все оставить позади.

А он никогда не узнал бы.

Почти кончился май. Отцвели вишни и яблони, тюльпаны и нарциссы. Только сирень и каштаны все еще радовали глаз, а по вечерам, когда девочка выходила покачаться на качелях, вернувшись из больницы в родительский дом, еще слышалась песня влюбленного соловья…

Поэзия весны

Иришка увидела объявление о создании литературно-писательского клуба, когда шла к выходу из института после четвертой пары – уставшая и ко всему безразличная. Оно и понятно, первый курс, чтение в автобусе, сон по четыре часа в сутки и неразделенная любовь. В первом полугодии было совсем не так – перемены в жизни поначалу воспринимаются с энтузиазмом, а потом либо к ним привыкаешь, либо разочаровываешься. Тогда, в сентябре, Иришка записалась на гитару к великой радости своей подруги Маши, которая бредила созданием рок-группы при наличии ничего не умеющих музыкантов. Хоть один человек будет ученый, здорово! Но Иришка себя переоценила – гитару поставили на среду, в четыре десять. После целого дня в институте не оставалось сил идти куда-либо, кроме дома. Вяло перекусить, брякнуться на диван, а через часок приняться за домашку и провозиться с ней до полуночи. Не совсем такой представляла себе Ира веселую студенческую жизнь.

Во втором полугодии стало легче, как, вероятно, всегда бывает после первой сессии. Прогуливать стали смелее, спать – дольше, а с друзьями видеться чаще. На творчество времени хватало всегда – пусть в ущерб сну и еде, но в семнадцать лет это почти не ощущается. Иришка любила сочинять, но пока писала только стихи – прозы было мало, и та под влиянием подруги. Объявление подкупало неформальностью – приглашаем всех начинающих писателей и поэтов поделиться своим творчеством. В соседнем корпусе, абонемент иностранной литературы. Может, Машку взять? Нет, лучше сначала сходить одной. Машка смелая и нахрапистая, ей была непонятна Иришкина стеснительность. Она легко отвечала на семинарах, читала свои рассказы вслух и знакомилась с понравившимся мальчиком. Порой Ира ей завидовала – будь она такой, не мучилась бы сейчас от придуманных проблем…

То ли ранняя весна и авитаминоз, то ли переутомление, то ли переживания за объект своих грез (он ушел в академ из-за болезни) превратили Иришку из цветущей девушки в унылое бледное существо. Пробежка в больницу показала анемию, и родители всерьез занервничали. Иришка не осознавала, чем это чревато и опасений не разделяла. Равнодушно пила гранатовый сок и не замечала, как мама читает акафисты Пантелеимону Целителю. Она вообще ничего не замечала и хотела, чтобы ее оставили в покое.

Хорошо, что литераторы собирались не в самый загруженный день. Иришка робко открыла дверь абонемента иностранки, где раньше никогда не была. За кафедрой сидела женщина лет пятидесяти, а чуть подальше – за решеткой с невыносными изданиями – девушка лет двадцати пяти.

– Здравствуйте, я на счет клуба начинающих поэтов…

– А, Дин, это к тебе! – пробасила библиотекарша.

Девушка вышла из-за решетки и улыбнулась Иришке.

– Привет! Наконец-то, откликнулись. Проходи.

– А что, я одна?

– Пока да.

Надо все-таки Машку позвать, – подумала Иришка.

За решеткой было темновато, но уютно среди книг и дипломных работ – словно в отдельной комнатке.

– Что ж, давай знакомиться, – опять улыбнулась девушка, – меня зовут Дина, пишу дольно давно, но не издавалась нигде кроме студенческих сборников и газет. Об этом расскажу позже, если останешься. По образованию журналист, но все-таки это не мое, поэтому второе у меня филфакерское. Ошибочно думать, что филологи помогут в писательстве – они только анализируют чужое творчество, а про авторскую кухню знают лишь ее творцы. За годы у меня накопилось много информации о технической стороне вопроса, так что есть, чем поделиться.

И вообще, как мне кажется, каждый творческий молодой человек хочет быть прежде всего услышанным, а уж потом – оцененным. Будем слушать друг друга, учиться и совершенствоваться.

Дина Иришке все больше нравилась. Улыбалась она искренне и лицо открытое, светлое, хотя глаза грустные. Одета просто, но стильно – в джинсы и джинсовую жилетку на кофточку цвета морской волны, а на ногах – такого же цвета кроссовки. Ремень и браслет в тон. Волосы распущены, очки слегка затемненные.

– Надеюсь, в следующий раз придет кто-то еще, а пока расскажи о себе чуток. Повторять не придется – кто не успел, как говорится…

Иришка рассказала про учебу, про подругу, про музыку и наконец выехала на тему сочинительства. Дина спросила, готова ли она сейчас что-нибудь почтить. Иришка была готова. Как же не захватить блокнот, собираясь на такую встречу!

– Слушай, классно! – воскликнула Дина после первого стиха так простодушно и искренне, что Иришку это окрылило. – Правда, мне очень нравится, у тебя талант. Очень красиво и глубоко пишешь.

Иришка возвращалась домой воодушевленная и, разумеется, поделилась с подругой впечатлениями. В следующий раз пошли вместе. Новеньких не было. Дина очень интересно рассказывала об учебе и на журфаке и на филфаке, плавно перейдя к необходимости работы над словом и познания жизни. Как важно для писателя умение слушать, коим совершенно не обладала Машка, как много могут дать языковые дисциплины, если извлечь из них пользу.

– У вас должен быть русский язык и культура речи в программе.

– Есть, как раз со второго полугодия, – ответила Иришка.

– Не пропускай. Многое можно почерпнуть из этого предмета, а уж словесник обязан знать родной язык на десять баллов.

Дина сказала пару емких слов о речевых ошибках и привела самые распространенные примеры. Машины рассказы ей понравились, но не с таким энтузиазмом она это выразила, как свое отношение к Ириным стихам.

– Порой громоздкие метафоры строишь, язык спотыкается, хотя предложения очень краткие и даже резкие. Но сравнения как завернешь – забудешь, с чего все начиналось.

Посмеялись. Но Иришка поняла, что критике Маша не слишком порадовалась.

Наконец наступила весна. Сдав кровь, Ирина узнала, что у нее прекрасный гемоглобин и волноваться не о чем.

– Наверное, кто-то ваши анализы перепутал, – сказали в лаборатории, – вряд ли за неделю от пары гранатов показатели могли так улучшиться…

Ирина и чувствовала себя лучше, и жить стало веселее – не только в предвкушении летних каникул (на пути к которым маячила сессия, куда более сложная, чем зимой), но и благодаря Дине. Иришка нашла себе дело по душе и общение с таким человеком вдохновляло. Дина прочла им с Машей несколько своих стихов и рассказ. Девчонки шли домой молча, переваривая впечатления.

– После такого свое стыдно писать, – приуныла Машка.

– Да ладно, наоборот! Видишь, как можно талант развить!

– Сколько ей лет?

– Ну, больше двадцати пяти, если две вышки…

– Это ясно. Кольцо на пальце. Интересно, какой у нее муж?

Кольца Иришка не заметила. Она вообще таких вещей не подмечала и подумала, что прозаика из нее не выйдет. Вечно в облаках витает и не только от любви.

Кстати о любви. Оная дала надежду на взаимность, и Иришка всерьез поверила, что счастье возможно. Стихи прямо-таки лились, и когда Машка уставала от чтения, в чем робко призналась, Иришка делались ими с Диной. Та сразу поняла, что у девушки на душе.

– Если взаимно, то прекрасно, – вздохнула она, – впрочем, если и нет – видишь, какой творческий полет! А творчество многое дает душе, помогает осознать себя иначе. Развивает, в общем.

Иришке хотелось говорить о любимом. А не с кем. Машке она опасалась открыться – та своей активностью все испортит, если возьмет на себя роль свахи (а возьмет непременно, ибо кроме нее все вокруг – тормоза). Маме тоже не хотелось. А Дина, как старшая сестра – выслушает, не перебьет, с советом не полезет.

Вскоре в клуб решили вступить еще две девочки. Маши тогда не было, Иришка с Диной сидели вдвоем. Девчонки писали стихи, и кое-что почитали. Иришка не без удовольствия отметила, что ее творчество сильнее. Даже судя по реакции Дины.

Как-то Иришка решилась поделиться небольшими набросками прозы, доверив их чтение Маше. Дина предостерегла ее больше так не делать.

– Она, конечно, хорошо читает, но лучше автора не прочтет никто. Поверь, стесняешься и волнуешься только первые секунды, потом забываешь, что ты тут вообще-то не один… если не понимаешь свой почерк – распечатай и дома потренируйся. Работай над собой, как над словом, не отлынивай и не прячься ни за кем. Ты уникальна и у тебя талант. Надо его развивать – это серьезный труд, и ты, я вижу, трудяга. Редкое сочетание. Так что – самое время это осознать и нести свой дар достойно. У кого-то могут быть потрясающие идеи, но, если он не посадит себя за стол и не напишет – грош им цена. Понимаю, тебе пока это не близко, потому что ты не прозу пишешь, но на будущее запомни. Вдруг надумаешь и над прозой потрудиться?

Дина рассказывала, как работали над текстом некоторые писатели. Истории были и смешными, и поучительными, но в большинстве – поразительными, потому что Иришка о таких вещах даже не задумывалась.

– Главное, редактировать текст после написания, а не в процессе.

Машка считала, что редактировать и незачем – перечитал, устраивает, все нормально.

– Если устраивает, то конечно, – развела руками Дина, – но, как правило, это до поры. С годами становишься более требовательным к себе и к текстам, которые, кстати, становятся масштабнее и вылезают за рамки отвлеченных мудрствований. Когда хочешь создать колоритного персонажа, а не картонного героя, увлекательный сюжет, а не просто рассказать историю – невольно интересуешься технической стороной вопроса, а, следовательно, вычесываешь блох, работаешь с каждым словом. Чем больше узнаешь, тем меньше устраивает.

– И что же, через несколько лет перечитаешь и ужаснешься, как писал раньше? – Машка.

– Зачастую! – Дина рассмеялась.

Маше казалось, что Дина к ней предвзято относится, и не желает вникать в ее глобальное творчество. Иришке такие разговоры стали неприятны, ибо она в последнее время часто слышала от подруги, как все восхищаются ей, Ириной, какая она талантливая, за что ни возьмется, а у Машки ни стиля, ни вкуса, одна приземленная пародия. Иришке захотелось забиться в угол и общаться с Диной тет-а-тет. Зря она Машку туда привела, чувствовала, что все этим обернется…

Когда в клубе появился парень, стало совсем не так: он мнил себя гением и учиться ничему не хотел – каждый пишет, как дышит. У них с Диной возникали трения, а порой и дебаты, но девушка с изящной легкостью сажала оппонента в лужу к великому его негодованию.

– Что ж эти пацаны, я не могу! – в сердцах воскликнула она после одной такой дискуссии, когда все кроме Иры уже ушли. Та всегда находила повод задержаться. Ее благоверный тоже творил – стихи, музыку и над книгой работал, но его привести сюда и в голову не возьмешь. В глубине души он считает себя бездарностью, – так он утверждал. Но еще глубже – кокетничал, считая бездарностями всех кроме себя.

– Вообще, не води дружбу с коллегами по цеху, врагов наживешь, – предостерегла Дина, – с творческими личностями тяжко дружить, если они не верующие.

– Почему?

– Потому, что тогда человек иначе относится к своему таланту и понимает, что тщеславие или зависть – грехи, с которыми надо бороться. Не маскировать и не замалчивать, а именно бороться. К таланту отношение не собственническое. И вообще, многое воспринимаешь иначе, когда живешь другим.

Однажды Иришка принесла стихи своего избранника Дине.

– А вы похожи, – улыбнулась она, – только он больше в мифологию и историю, а ты открыто о своих чувствах пишешь. Заметила, что парни чаще чужие образы примеряют, а о себе в открытую до поры не пишут?

У Иришки не было шанса это заметить, но с тех пор она стала присматриваться.

Летняя сессия прошла неплохо. Дина продолжала вести семинары до середины июля, но почти никто из прибывших уже не ходил.

– Лето – не лучшее время для творчества, – шутила девушка.

Машка переключилась на общение с новыми друзьями, а Иришка – не большая любительница компаний, фэнтези и ролевых игр, осталась в стороне, и ее существование омрачала тягостная ревность.

– Там такие девчонки… умные, начитанные, красивые и с мечами. А я ничего не умею и двух слов связать не могу, – сетовала она, – музыка – мой единственный козырь, за нее меня и уважают, только теперь и о группе все забыли, никому я не нужна. Скоро и он обо мне забудет.

– Он о тебе никогда не забудет, – подбадривала ее Дина, – у тебя другие таланты, и писатели в большинстве своем неразговорчивы. Если писака велеречив – скорее всего, хвастун или графоман, я уже заметила. Словами нельзя бросаться, идею нужно вынашивать, иначе родишь на бумаге потрепанную, хилую и неказистую. В литературе как нигде важно единство формы и содержания. Прости, я все о прозе… сама давно стихов не пишу, и как-то отвыкла мыслить ими.

– А раньше много писали?

– О, тома! Но поэзия – серьезный дар и редко остается на всю жизнь. То любовь его подпитывает, то боль, а то просто обилие времени и чистых листов в тетради. Я много писала на лекциях. А тебе надо не стесняться – поделись с ним своим творчеством. Уверена, его это поразит. Может, конечно, и напугать – тут уж сама решай. Видишь, какая у них ранимая самооценка!

Летом Иришка чувствовала себя одиноко – уехать было некуда, а Машка то и дело пропадала. Бетонные стены надоевшей комнаты окном на юг. Если бы не книги и стихи – повеситься с тоски. Дина оставила свой телефон, словно предвидя такую ситуацию.

– Будет что почитать – звони, всегда рада. До сентября терпеть незачем.

И Иришка, превозмогая смущение, позвонила. Решили встретиться в кафе.

– Знаешь, я пока живу одна, но довольно далеко, не стоит тебя туда мотать. А там посмотрим.

Почему одна – Иришка, разумеется, не спросила, но Дина при встрече рассказала все сама.

– Семейная драма. Надо побыть одной, все хорошенько обдумать. Знаешь, мне было так радостно смотреть на тебя влюбленную – какая ты красивая, счастливая, светишься вся. Даже себя вспомнила в восемнадцать лет. И порой думала, будь я такой или сделай то-то – все могло быть иначе, могло сложиться. А потом оказалось, вряд ли, да и не надо. Появился другой человек – взрослый, самостоятельный и совершенно не похожий на ту студенческую любовь. И тут все могло сложиться – почти наверняка. Но мы решили, что не судьба. Точнее, я решила. И тогда не думала, что без него будет так пусто и плохо. Оказывается, я привязалась к нему,

хотя совершенно этого не ощущала и думала, что больше оплакиваю старую любовь. Мне было двадцать два. Закончила первый институт – кстати, это он все время твердил мне, что журфак – не твое, газета безлика, а ты – писатель. Я поверила в себя благодаря ему. И вместо того, чтобы выйти за него и нарожать спиногрызов, поступила на филфак и стала строчить романы.

– А он? – Ира слушала, затаив дыханье.

– А он все пытался наладить личную жизнь. Насколько мне известно, раза три порывался отвести очередную невесту в загс, но как-то не складывалось. Хотя он утверждал, что его сделать счастливым просто: накормить, приласкать и оставить в покое.

Дина вздохнула. Она выглядела уставшей и заплаканной, выпила две чашки кофе и заказала еще.

– Не знаю, имею ли я право тебе такое рассказывать – все-таки, ты намного моложе и вроде должна быть дистанция…

– Не волнуйтесь, я никому ничего не расскажу. Мне интересно вас слушать.

– Тогда давай на «ты», – Дина улыбнулась, – я знаю, молодежь в наше время куда прошареннее нас, старперов, в вопросах семьи и отношений. Но ты, как видно, девочка чистая и открытая. Такой и оставайся. Кто Богом предназначен – оценит по достоинству, на остальных не смотри.

Дина замужем два года. Детей пока нет. Вышла за человека, который больше любил ее, чем она его, и такие чувства нельзя не оценить. Хорошо они жили, не тужили, но недавно Дина узнала о его измене. Как и откуда – не уточнила, да Иришка и не осмелилась бы спросить. И он понял, что она знает.

– Пришел домой, а я сижу на диване, коньяк пью. Музон орет какой-то. Я даже не поняла, что чувствую. Как будто я и не я вовсе. Сплошная пустота. Он не оправдывался, ничего не объяснял – видимо, опасался моих истерик или прочих безобразных сцен, на которые я органически не способна. Я знала, что это единичный случай, а не постоянная любовница. Что называется, бес попутал, сиюминутная страсть закипела. Ты только реши для себя главное, говорю, хочешь ли ты сохранить семью. Он, конечно, решил. Дальше все зависит только от меня. В тот момент я даже видеть его не хотела, поэтому пила много. И он себе налил. Сидим и пьем молча. Так ли это важно, думаю – один раз с кем попало? Знаю, что любит, знаю, мужчинам это плотское нужнее, чем нам, и разделяют они это слишком уж четко и далеко порой. Да, предательство, унижение, обида. Но главное не это. Главное, говорю ему, грех-то тяжелый, а мы к тому же венчанные. От греха, как от брошенного камня, круги по воде. Отношения никогда не будут прежними, даже если я смогу простить…

Иришка с детства слышала, что мужчины полигамны, и адюльтер – дело чуть ли не естественное. А сейчас, слушая Дину, она так живо представила себе ее чувства, пережила ее боль, что попыталась ответить себе на вопрос, смогла бы она простить.

– Знаешь, потом как-то отвлеченно стали говорить, почти по-дружески. Я спокойно сказала, что вернусь в свою берлогу, побуду одна. Мне это необходимо, мысли в порядок привести, остыть. Он не возражал – только щас, грит, никуда я тебя не отпущу. Куда там, я уж пьяная в хлам. И вспомнились мне вдруг его слова… как-то давно, еще только поженились, спрашивал, часто ли я вспоминаю о нем. О том. Когда с ним. Он знал, что вспоминала…

– О том, за которого не вышла?

– Да. Много лет прошло, а я все думала. И муж о нем знал. И часто я себя виноватой перед ним чувствовала за то, что все еще помню и думаю. Будто изображала из себя кого-то, только пыталась полюбить мужа, а на самом деле больше материнской любви в эту симпатию подмешивала. И опасалась, что он это как-то почувствует и произойдет то, что произошло. И виновата буду я. Вот что меня изгрызло-то, понимаешь? То есть, почти не удивилась. Но вдруг говорю мужу: вот ты как-то спрашивал, думаю ли… Будь уверен, никогда. Даже в мыслях тебя им не подменивала. Просто знай. Сама не понимаю, почему мне так хотелось, чтобы он знал.

Я эту фразу еле договорила – зарыдала. Прорвало. То все сдерживалась, а тут аж затрясло, взахлеб. Он меня обнял, и я не артачилась. Сам расплакался. Вот стоим, представляешь, оба уже в кондиции и ревем! Выяснили отношения. Чего только в жизни не бывает, Господи…

Ирина молчала. Неужели не бывает на свете счастливой любви, неужели нельзя просто быть рядом с тем, кто предназначен судьбой? Кого ни послушай, куда ни глянь – одни разбитые сердца или корыта. Поломанные жизни. Или стерпится-слюбится. Кто-то любит, а кто-то позволяет себя любить. Семьи создаются на обломках, на равнодушии, от скуки. Почему в этой сфере все так непосильно, так грустно?

– Ты мужа-то любишь? – Иришка не знала, как продолжить разговор, но чувствовала необходимость что-то сказать.

– Да. И знаешь, может именно сейчас я это наконец поняла. Закрадывается даже крамольная мысль, что не зря все так случилось. Надо было мне глаза открыть, а это порой очень больно бывает. Скучаю по нему. Просила пока не звонить и не приезжать – два дня терпел, на третий позвонил. Я говорю, еще не готова вернуться. Позвоню, как соберусь, снегом на голову не упаду, не бойся. И все никак не соберусь. А он звонит. Хорошо, что ты не бросила наше гиблое дело – мне так нужна эта работа, общение, ваше творчество! К жизни возвращает, чувствуешь себя кому-то нужной.

Иришка всегда ощущала неловкость в такие моменты: мучительно хотелось что-то сказать, ободрить, похвалить, подхватить и развить эту тему, но язык не слушался. И ведь совершенно не слукавила бы она, сказав Дине, как та нужна ей, Иришке, и как много дало ей их общение, как постыло и ненавистно это лето без их семинаров. Без Дининых рассказов, без ее улыбки и юмора. И жалко ее. Таким постыдным кажется собственное счастье и надежда на любовь…

– Влюбленность – это здорово, а любовь – это больно, – вздохнула Дина, – это самый настоящий крест, который мы и не доносим, не говоря уже о том, чтоб на нем распинаться.

Выпили еще чаю. Иришка почитала свои стихи по просьбе Дины – сама бы не заикнулась о них. И такими они показались детскими и смешными, наивными и далекими от горечи той реальной жизни, с которой Иришка столкнулась несколько минут назад. Ведь когда-то и Дина была счастливой влюбленной девушкой, посвящала стихи такому же романтичному, богемному юноше. А каким он стал теперь, интересно?

– Будет очень нагло, если я все-таки напрошусь в гости? – спросила Иришка после прочтения.

– Что ты! Сама сижу, думаю, как тебя затащить! Чайку попьем, фотки посмотрим. Я тебе покажу, какой была в твои годы, если хочешь. И обещаю больше на тебя помоев не выливать. Прости меня, ради Бога. Ужасно я перед тобой виновата. Но даже ни с кем поделиться не могу. Сор из избы не выносят, сама понимаешь. Не хочу, чтоб родители или подруги стали на него коситься, отношение изменится обязательно. Такое надо переживать одной, а это тяжело. Порой действительно важно выговориться.

Ирина еще раз заверила Дину, что никому не передаст содержание их разговора и что ей, Ирине, вполне можно доверять.

– Я надеюсь, в силу влюбленности ты особо близко к сердцу мои излияния не подпустишь, – улыбнулась Дина, – а так, жду тебя на чай и со стихами. Дай ему почитать, ты правда талант!

Лето

За други своя

Шаги и голоса. Беспокойные, резкие звуки, пронизывающие сознание словно шилом. Давно Антон не бывал в больницах. А в такой ситуации – вообще никогда.

И как это могло случиться?

Больше всего в своей работе он ненавидел монтаж окон. И не зря. Маленькое ателье, всего три сотрудника. Какое же задрипанное место! И в таких люди работают, и в таких заполярьях живут. Заведующая – полноватая блондинка чуть старше его, типичная училка или библиотекарша. Девушка, принимающая заказы, видимо, выполняла функцию уборщицы. Антон чуть не выронил раму. Галя. Ведь знал, что она работает в ателье и живет в этом месте, но почему-то не сопоставил. Кивнули друг другу, а дальше общаться было некогда. Он с бригадой делал свое дело, она вывозила строительный мусор после. Такая хорошенькая и в таком уродливом халате зеленочного цвета.

Надо было отказаться от этого заказа, всем только лучше. Сейчас варил бы забор в какой-нибудь усадьбе за городом, а не ждал вердикта врачей. Хорошо, больше никто не пожаловал, не сверлил его ненавидящим взглядом, не добивал страшными словами.

Двери операционной открылись, и Антон непроизвольно встал. Тело накрыто простыней, но не с головой. Галино бледное лицо, закрытые глаза.

– Жива? – выдохнул Антон.

– Жива. Все в порядке, – отозвался врач.

Как Генка раму не удержал? И как Галя оказалась рядом, когда угол этой рамы чуть не раскроил ему, Антону, голову? Оттолкнула его, даже не крикнув, и сама подставилась. Разве он не среагировал бы? Тут же отскочил бы и ее бы спас.

Позвонил заведующей, успокоил. Вскоре и родственники приехали. А толку-то? Галя без сознания. Травма головы – дело серьезное. Жива, но здорова ли? Что будет с ней потом? И когда это проявится?

Антон не стал дожидаться, когда Галя очнется. Вероятно, ей будет неловко, что рядом почти незнакомый человек. За которого она готова была отдать жизнь. Это в сознании Антона не укладывалось никак. По дороге домой зашел в супермаркет, купил бутылку виски. Руки тряслись, когда открывал ее дома.

Тишина пронзительная – как после падения рамы. Руки… его. Когда он только взялся за эту работу, с трудом переживал огрубение раньше ухоженных рук. Ребята удивлялись, как ему удалось избежать мозолей от турника, меча и разного рода ручной работы, которой он никогда не гнушался. Но за руками всегда следил. А теперь – пыль, занозы, инструменты. Синяки, порезы, вздутые вены, грязные ногти. Антон долго мыл руки в кухонной раковине средством для мытья посуды. Он давно заметил, что подобные механические действия отвлекают от тяжелых мыслей и помогают жить.

Еще дня три, и тлеть бы этим рукам в могиле…

Помотал головой, налил стакан. Выпил залпом. Спокойно, спокойно… Говорят, небо забирает лучших. А ему жить и жить.

На следующий день заехал в больницу с букетом цветов. Выбрал самый яркий и красивый. Увы, не знал, какие любит Галя.

Он ожидал увидеть худшее, но Галя казалась совершенно обычной – ни бледной, ни грустной. Поблагодарила за цветы, сказала, что нормально себя чувствует.

– Лапуль, зачем ты это сделала? – помявшись немного, Антон задал волнующий вопрос.

– Я не задумывалась, – пожала плечами девушка, – сделала и все.

Не страшно умереть вообще. Страшно умереть вот сейчас, как писал Солженицын. В одночасье. Антон всегда считал, что это вкусная смерть и не раз чувствовал ее дыханье. Но тогда он был с ней наедине, между ними не вклинивалась молодая симпатичная девушка. Почти незнакомка.

– Ладно, отдыхай, я еще загляну, – он наклонился и поцеловал ее в щеку, – привезти тебе что-нибудь?

– Не беспокойся, у меня есть родные, – она улыбнулась, – все в порядке.

***

Заведующая аж посерела – так переживает за уборщицу. Антон лишь понукал бригадой, а сам не мог заставить себя приняться за работу. Ходил из угла в угол, смотрел на ободранные наличники, на оклеенные обоями двери, на затертый линолеум, на облупившуюся краску стен – противного зеленого цвета. Не больничного – там как раз неплохо. Даже в палатах вполне прилично. А тут – такое убожество. Примерочная прячется за шторой, к которой прикоснуться-то побрезгуешь. И что заставило такую девушку как Галя похоронить себя в этом бомжатнике?

Еще день, и Антона здесь не будет. Он и думать забудет об этом месте. Всего четыре окна. Делать нечего. Не успеет рук замарать.

Заехал после работы в церковь, поставил свечку у иконы Божией Матери Целительница и заказал о здравии болящей Галины. В храме этом никогда не был, хотя церковную географию неплохо знал, но уже много лет в церковь не заходил. Теперь же не мог заставить себя уйти. Топтался из угла в угол, от стены к стене, останавливался у каждой иконы, с непривычки неловко крестясь. Сидел на лавке у окна, опасливо прислушиваясь к шагам храмовых тружениц.

* * *

– Когда тебя выпишут?

– Обещали на днях, вроде все нормально. Подташнивает слегка и голова кружится. Сплю сутками, но ведь я и дома могу это делать, – засмеялась Галя.

Помолчав немного, девушка проговорила очень тихо:

– Тох, пойми, ты мне ничем не обязан. Тебе незачем сюда ездить.

– То есть, у меня своя жизнь, у тебя – своя? Все правильно, только я очень изменился. В считанные секунды.

– Но я-то нет, – опять улыбка, – все та же скучная церковная мышь.

Долго им говорить не пришлось: по коридору шел мужчина лет тридцати, стройный, высокий, с длинными волосами цвета меди. Черная футболка заправлена в черные джинсы, и на фоне всего этого особенно неуместно смотрятся бахилы.

– Привет, Галюш, – человек наклонился к Гале и поцеловал ее в губы.

Собственно, с чего Антон взял, что у нее никого нет? Только потому, что она спасла ему жизнь, и он уже накрутил себе невесть что? Только потому, что она спасла ему жизнь – сам-то понял, что подумал? Этого мало? Послушать ее – сущий пустяк. Не задумалась она.

– То есть на моем месте мог быть любой?

– Не знаю. Об этом я тоже не задумалась.

А ведь задумчивая она не в пример многим. Рациональная, казалась немного нерешительной, не делала резких движений, не выдавала необдуманных суждений. Порой отвечала вопросом на вопрос, что свойственно и Антону. У них вообще много созвучий.

Представила ему жениха. Степан. Имечко под стать внешности – порода! А он – старый знакомый. Степан недоверчиво покосился на Антона. Тот поежился и поспешил ретироваться. Надо поаккуратнее с цветами и визитами. Вообще пора исчезнуть, как сделал два года назад.

* * *

Степан, разумеется, не стал устраивать Гале допрос, но это стоило ему некоторых усилий. Выяснив, что рама чуть не упала на голову «этому человеку», он осведомился:

– И что, у вас теперь любовь?

– Степ, ну что ты городишь! – Галя рассмеялась. – Просто приехал проведать. Представь себя на его месте.

– Не представляю.

То же самое он сказал и Антону, когда увидел его снова. Встретил во дворе больницы, когда собирался уезжать. Время посещения истекло. Что забыл тут этот товарищ – непонятно.

– Она выполнила свой христианский долг, так что не раскатывай губу. Не ты особенный, а она.

– Это я понял, – буркнул Антон, – вряд ли ты бы такой долг исполнил в отношении меня.

Степан молчал мгновение.

– Вряд ли.

* * *

Антон закончил ставить окна раньше, чем Галю выписали. Он даже помог заведующей вывести грязь и оттащил мусор в помойку. Жалко стало женщину – как одна будет корячиться с тяжестями?

– Так мы и разбирали все вдвоем с Галей…

Помявшись на пороге, Антон не выдержал, спросил о женихе. Не может заведующая ничего об этом не знать – коллектив маленький и женский, да в таких поселках все друг о друге все знают.

– Вроде серьезно у них. Пока она здесь работает, ни с кем даже не встречалась, насколько мне известно. Хороший парень, любит ее. Но и ревнивый очень.

– Заметил, – улыбнулся Антон. И тут же попрощался.

Появился он здесь лишь через месяц, якобы укоротить брюки.

– А поближе к дому не нашлось ателье? – Галя хитро прищурилась. Она выглядела прекрасно в синем платье, а не в халате цвета зеленки.

– Да чем не повод навестить спасателя? Я тут заколол булавками, можно не отмерять.

Галя приняла заказ, подсунула швее и села выписывать квитанцию.

– Галь, я ведь правда изменился. Понимаешь?

Она кивнула, не поднимая глаз от листка и не переставая шуршать ручкой.

– Помнишь, ты мне как-то говорила, что убедиться в схождении благодатного огня мне по карману?

Она поджала губы и хмыкнула.

– Ты бы поехала со мной?

– Тох, Пасха уже прошла, и мне ни в чем убеждаться не надо.

– В следующем году?

– В следующем году тем более странно – в качестве кого я поеду с тобой? – она протянула ему квитанцию. – Ты не изменился. Тому, кто верует, не нужны благодатные огни и Туринские плащаницы. А тебя ничего не убедит, хоть он тебе на голову сойдет.

– Ты не права.

– Увидишь, поверишь, и тогда придется менять жизнь? Антох, почему бы не начать прямо сегодня – деньги сэкономишь?

– Затем ты меня и спасла, чтоб я начал менять жизнь?

– Говорю же, не задумывалась.

Вспомнил, что не спросил о здоровье, исправил ошибку. Перевел стрелки, сменил тему. Голова у нее не болит и не кружится. Только усталость, но это, видимо, последствия наркоза.

* * *

Галя и Степан планировали обвенчаться после успенского поста. Точнее, хотели раньше, но поскольку Галя попала в больницу, свадьбу пришлось отложить. Им раньше нравилось мечтать о совместном будущем, строить планы и даже бороться с недоверием родителей и друзей. Но с появлением призрака Галиного прошлого и после ее невероятного поступка многое изменилось. Галя заметила Стёпину задумчивость и отстраненность.

– Галь, расскажи, что у вас было?

– Да ничего не было, я тебе уже рассказывала. Еще давно. Степ, что у нас могло быть? Ты знаешь, чем живу я, а чем живет он – видно невооруженным глазом.

– Ты веришь, что он изменился?

– Не знаю. Может, задумался о чем-то. Дай-то Бог.

– Мне было бы трудно поверить, что люди в принципе способны меняться, но ведь мы все через это проходили. Может и правда? Теперь одумался, начал клинья к тебе подбивать…

– Степ! Мне теперь от его клиньев ни жарко, ни холодно, угомонись.

– Ну вот представь, если бы он стал таким, каким ты мечтала его видеть тогда, замуж бы позвал – пошла бы?

– Ага, сшибая коленки. Степ, *тогда* уже прошло и слава Богу, следа не осталось. Я бы сама не поверила, но и такое бывает. Мне кроме тебя никто не нужен, понимаешь?

– Правда? – голос его несколько потеплел, и губы разъехались в улыбке.

– Кривда. Можно я у тебя останусь? Не думай, ни на что не намекаю, просто не хочу уходить…

Как же долго он об этом мечтал! Чтобы вместо «мне пора» она сказала «не хочу уходить»… Неужто он ее отпустит? Так и сказал тогда в больнице этому стервятнику:

– Думаешь, я тебе такое сокровище уступлю? Держи морду шире. Всю жизнь провел как попало, нагулялся, наблудился, а теперь одумался и подавай ему чистую девушку – такую душу, которую просто не в состоянии оценить.

По крайней мере, пока. А он, Степан, который ждал и искал ее всю жизнь, с чего-то вдруг «поступит благородно». Пойдет на поводу у безрассудной женской страсти и инстинкта охотника. Самое разумное, что тут можно сделать, это…

– Малыш, давай не будем ждать поста. В начале августа обвенчаемся?

Он не видел ее лица, потому как обнимал ее.

– Да хоть завтра…

* * *

Уже готово свадебное платье – простое, но красивое. Приглашены самые близкие друзья. После венчания планировали чинно посидеть в кафе без развлекалок и тамады. Погулять и пофотографироваться на память.

Степан не сказал Гале, какая печаль его терзала. Впрочем, изначально он ее отбросил, но какое-то время спустя она стала проявляться навязчивыми мыслями, страшными снами, уколами совести.

– Малыш, ты уверена, что я именно тот человек, с которым ты хочешь связать судьбу?

Галя тяжело вздохнула.

– Степ, твое недоверие причиняет боль. Если ты этого не хочешь, так и скажи. Я уже все сказала.

Она, конечно, не могла не заметить, что с ним происходит. Но сколько ни пыталась ненавязчиво затронуть эту тему, он замыкался в себе. И с тех пор Галя действительно стала сомневаться в безоблачности их отношений.

– Я не хотел тебе говорить, но все-таки нельзя с такого начинать семью, – вздохнул в ответ Степа.

Тяжело понять волю Божию, даже если живем по вере и заповеди Его храним по мере сил. С появлением Антона у Степы душа не на месте. Не было у него намерений с кем-то советоваться или переваливать ответственность за свои поступки на прозорливых старцев, коих, говорят, на Руси и не осталось. Да ссудил Господь попасть в такое место, где один зажился. Попал туда Степа случайно и без Гали, всего на день. Толпы народу в храме – не то чтобы к старцу, но многие зачем-то подходили и что-то кратко спрашивали. Батюшке уже за семьдесят, он очень болен, еле ходит. Да еще каких-то тевтонских кровей, фамилия немецкая.

– Надо суметь вопрос покороче сформулировать, если есть что спросить, многим он помог советом.

Степан от услышанного отмахнулся и выпал из очереди. А через какое-то время увидел возле батюшки всего двоих, и тот уходить не собирался. Степа на ватных ногах приблизился к грузному священнику с почти белыми, но густыми волосами. Тот сидел у алтаря и смотрел куда-то вдаль. Степа не успел слова сказать, как батюшка взглянул на него и с улыбкой промолвил:

– Что, друг любезный, не знаешь, твоя судьба или чужое воруешь?

Степан опешил, а потом возмутился.

– Почему это я ворую, батюшка? У меня воруют, а я еще канителюсь!

– Эх… воруют у него! Собственность твоя как будто?

Степан потупился и не нашелся с ответом. Батюшка его и не ждал.

– А если правда изменился человек? Только мало дойти, надо удержаться, знаешь? А без нее он не удержится. Месяц-другой и привычка возьмет свое. С возрастом тяжелее меняться, тем более мужчине.

Степан снова промолчал, лишь выдохнул с усилием.

– А ты справишься, ты парень крепкий. Тебе бы кого подтащить к Христу, а то решил на лаврах почить.

– Батюшка! – Степа выпучил глаза и стал приглаживать проносящиеся в голове мысли в выражениях вовсе не церковных. Да с какой стати он должен уступать свое счастье какому-то проходимцу? Да вы не знаете, что это за человек, он только Галю измучает и ее за собой утянет! Она для него – такая же, как сотня других. Значит, мало его гада спасти, надо его еще за ручку тащить к Христу? Не много ли чести? А у него, у Степана в кои-то веки жизнь налаживается, и он должен отказываться от Божьего дара – ведь именно так он относится к Гале, пылинки с нее сдувает и на руках носит! И вообще, кто сказал, что этот батюшка прозорливый, что он вообще знает?

– Решать тебе, конечно. Вам, точнее. Но заметь, супружество – это вовсе не счастье. Бог соединяет здесь двух любящих людей для совместного спасения. А дальше в вечности – для духовного родства. Счастье, счастье… с частью, с причастием, значит, с Богом. Вдвоем в чем-то легче, в чем-то – наоборот, кому какой подвиг.

– А я значит, эгоист и гордец?

– Глянь, аж ноздри раздуваешь! – батюшка заразительно засмеялся. – А то нет? Тебе решать, но и о других забывать не надо. Господь никого зря в нашу жизнь не пускает. Иди, водички попей, воздухом подыши, от тебя пар идет, – батюшка был невозмутим.

Степан последовал совету. Вышел в притвор, потыркался с автоматом по выдаче святой воды. Полегчало. Во дворе нестерпимо ярко после храмового полумрака. Трава, как водится в июле, стала жухнуть, но жара казалась приятной. Солнышко отогрело трясущегося от негодования Степу.

Как он раньше посмеивался над кумушками, которые своей головой думать отказывались – батюшка, в какую столовую пойти? А теперь что? Галюш, выходи-ка ты за этого мастераломастера, его спасать надо, а я уж как-нибудь, чумовой такой, разберусь.

Походил по церковному двору кругами, успокоился. Гале решил ничего не говорить. Пусть на его совести грех останется, если это грех. Как у других все просто, а со своими завихрениями не разберешься хоть с когортой старцев.

Галя долго молчала, выслушав откровения жениха.

– Он тебе пишет, звонит? – спросил Степан.

Не надо уточнять, кто такой он. Антон стал третьим в их еще не сложившимся союзе.

– Не звонит. Пишет комментарии в соцсети, как и все. Ничего особенного.

– А ты за его жизнью не следишь?

– Мне это уже давно не интересно, – пожала плечами Галя, – еще до встречи с тобой не хотела ничего о нем знать.

– Тогда тебе было просто противно, – предположил Степан, – а теперь, быть может, у него другая жизнь?

– Не знаю. Надежды не так расстраивают, как реальность. Разумеется, я желаю ему всего хорошего.

– В твоем понимании.

– В правильном.

Он кивнул. У Антона есть блог, открытый для всех, и Степан об этом знал.

– Почитай, может и впрямь изменился…

– И что? Сделать ему предложение? – Галя не вспылила, не повысила голоса, однако и прежней улыбчивости не осталось. – Сказать, жених от меня отказывается, из христианских побуждений уступает слабому ближнему сильную невесту. Класс!

– Галь, ну зачем ты так? – Степан поморщился. – Мне самому больно. Не знаю, что делать.

– Тогда расстанемся. Просто, без всяких уступок. Я второй раз не собираюсь на грабли наступать.

– Он для тебя правда ничего не значит?

Галя устало закатила глаза.

– Степ, я не могу больше об этом говорить. Если ты меня и после свадьбы так будешь доставать, лучше и впрямь разойтись.

* * *

Галя едва удержалась, чтобы не отправить жениха куда-нибудь съездить. Отдохнуть и развеяться. Вовремя вспомнила, что он уже прокатился. Нашел приключений и на свою голову, и на ее. Стоит ли теперь ехать его тропами? Голова побаливает, в транспорте стало укачивать, чего раньше с ней не случалось, и она с трудом понимала, что чувствует подверженный этому человек. Но сколько раз проверено на себе, с Божией помощью все возможно.

Дорога выдалась нелегкая. Никто не знал, что Галя не на работе – взяла отгул за свой счет и ничего никому не сказала. Мама разволнуется, Степа вообще бучу поднимет, да ему и знать необязательно.

– Должно в семье быть равновесие, – смеялся папа, – один чумовой, другой спокойный.

В их союзе с мамой спокойным был папа. Мама нервничала по любому поводу и называла себя холериком. Легко теряла сон и аппетит, выходила из дома за полдня, чтобы прибыть куда-то вовремя, хотя езды минут двадцать. Почти всегда говорила на повышенных тонах, быстро

и эмоционально. Степа не такой, но и не спокойный. Галю это порой раздражало. Она не верила в «своего» и «не своего» человека. У всех полно закидонов, просто с чем-то готов мириться, а что-то неприемлемо. Со Степиным крутым нравом она мириться готова, а раздражительность всходит на почве его вечной подозрительности или благодаря висящему в воздухе призраку прошлого. Галя корила себя за эти мысли, но порой они мелькали в сознании: лучше бы не лезла под эту раму. Глядишь, ничего бы страшного с Антохой не случилось, она же оклемалась? Такого лопатой не убьешь, только шишку набил бы.

Никогда в такие поездки одна не ездила. Да и вообще редко ездила куда-то одна, а очень хотелось порой. Особенно в этом году. Отдохнуть от всех, от родных стен и людей.

– От себя не убежишь! – говорила мама.

Галя устала от ее проповедей.

– Просто выслушать не можешь – сразу начинаешь пилить. Люди не все говорят, чтобы попасть на трехчасовую лекцию о том, кому на Руси жить хорошо. Зачастую нужно просто выговориться.

Последнее время Гале казалось, все только и делали, что учили ее жизни или обличали в ропоте. Хотелось покоя и тишины. Проснуться в другом городе, в другой стране. Никуда не спешить и никому ничего не быть должной. И чтоб условия были нормальными – она не любитель походной романтики.

Есть гостиница для паломников, правда, в ней живут по четыре человека. Но когда они весь день где-то пропадают и вообще едва знакомы, с этим можно мириться. Тяжелая выдалась ночь: кто храпит, кто ногами уставшими сучит, кому жарко, кому холодно.

Кутаясь прохладным утром в ветровку, Галя ждала, когда освободится прозорливый батюшка. То и дело поправляла бандану, сползающую с остриженных волос, не знала, куда деть руки. В сотый раз задавала себе вопрос, зачем она здесь? Пытаясь ответить на него, задавалась другим: зачем она замуж собралась? Разве плохо ей жилось одной? Служения не хватало, принадлежать хотелось, осмысленной жизни? Да нет… видно, генетика. Женщины ее семьи никогда замуж не рвались, цветов и домашних животных не любили, о кулинарии не разглагольствовали. Не рвалась Галя замуж. Просто появился человек, который ее полюбил, и она ответила взаимностью – без умопомрачительной страсти, которой некогда пылала к Антону. Благодаря ему знает, чего избегать. Степан хороший, надежный, с ним легко, будто с самой собой. А это уже много – мало с кем общение складывалось, она привыкла быть одна. С мужчиной надо жить хорошо, плохо она и одна сможет. А уж свое привычное одиночество менять на такую опасную неизвестность… стоит ли? Если уж в Степе сомневается, что говорить об Антоне? Все, пройдено и забыто.

– А я думаю, когда же ты пожалуешь? – встретил ее батюшка. – Ждал, ждал…

– Жених мой у вас был? – охрипшим голосом осведомилась девушка.

– Был. Я думал, он тебе так и не признается. Разозлил я его. А сама что думаешь?

– Уже не знаю, – призналась Галя, – запуталась совсем.

В храме толпился народ. Кто-то выстроился в очередь, хотя минуту назад Галя была последней.

– Пойдем-ка пройдемся, – батюшка тяжело встал и, переваливаясь из стороны в сторону, поплелся к выходу. Галя оторопело последовала за ним.

– Понимаю, конечно, приятнее, когда человеку нужна ты, а не ходунки, – кряхтя продолжил батюшка.

Свет церковного двора резанул по глазам. Ветер слегка привел в чувство. Успокаивающе шуршала листва.

– Но я уж ему говорил, супружество – не обязательно для счастья. Венцы-то мученические держать над вами будут, знаешь?

Галя кивнула.

– В любом случае крест. Что с одним, что с другим. Думаешь, где-то идеально будет?

– Не думаю, – голос предательски дрогнул, – но батюшка…

Священник остановился возле лавочки. Посмотрел на нее несколько секунд, да и присел, жестом приглашая Галю последовать его примеру.

– Разве это такое преступление, такое недостойное желание – любить и быть любимой? – слезы покатились по щекам. – Если я не собираюсь никого спасать, вытягивать – мне бы со своей душой разобраться, со своими грехами справиться! За мужем тянуться, как женщине естественнее. Разве это так плохо? А этот человек – ну ничего больше к нему не чувствую, просто чужой, жалею, что травму из-за него заработала. Кто с ним связывался – уже нахлебались, чем я лучше?!

– Поплачь, поплачь, – батюшка похлопал Галю по плечу, – много у тебя накопилось, надо как-то разрешиться. Это помогает. Ни в том, ни в сем ничего плохого нет. Может, именно это вам и надо преодолеть. Побудь пока здесь. Никуда дела не денутся. Отдохни, походи на службы. Послушания не бери – первые три дня ими вообще никого загружать не надо. Человек перестраивается, живет концентрированной духовной жизнью. Оттаивает, оживает. А там сама смотри.

Галя позвонила родным и Степану. Разумеется, волнуются, не поняли. Но три дня переживут. А она помолится, попостится, если Бог даст – причастится и, вернувшись, решит, как поступить.

* * *

Антон узнал о свадьбе Галины и Степана только когда на странице последнего в соцсети появилась характерная аватарка. Галя свою менять не спешила. Что ж, совет да любовь. Кому свадьба, а кому… ладно, он теперь не выражается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.